

Редьярд Киплинг



Книга
Джунглей

Редьярд Киплинг
Книга Джунглей (сборник)

Издательство «РИМИС»

Киплинг Р. Д.

Книга Джунглей (сборник) / Р. Д. Киплинг — Издательство
«РИМИС»,

Маленький индийский мальчик был разлучен с родителями во время нападения на их небольшую деревушку. Одинокого, потерянного малыша приютило у себя волчье семейство. Человеческий детеныш, нареченный именем Маугли, проделает длинный путь от неуклюжего «лягушонка» до вожака волчьей стаи. Непросто выжить человеку в непролазных джунглях, даже имея таких учителей, как изящная пантера, мудрый питон и огромный медведь. Малышу предстоит столкнуться с дикими собаками и ловкими обезьянами, спастись от огромной белой кобры, пережить небывалую засуху, а также сразиться в смертельной схватке со своим злейшим врагом – могучим тигром Шер Ханом.

© Киплинг Р. Д.

© Издательство «РИМИС»

Содержание

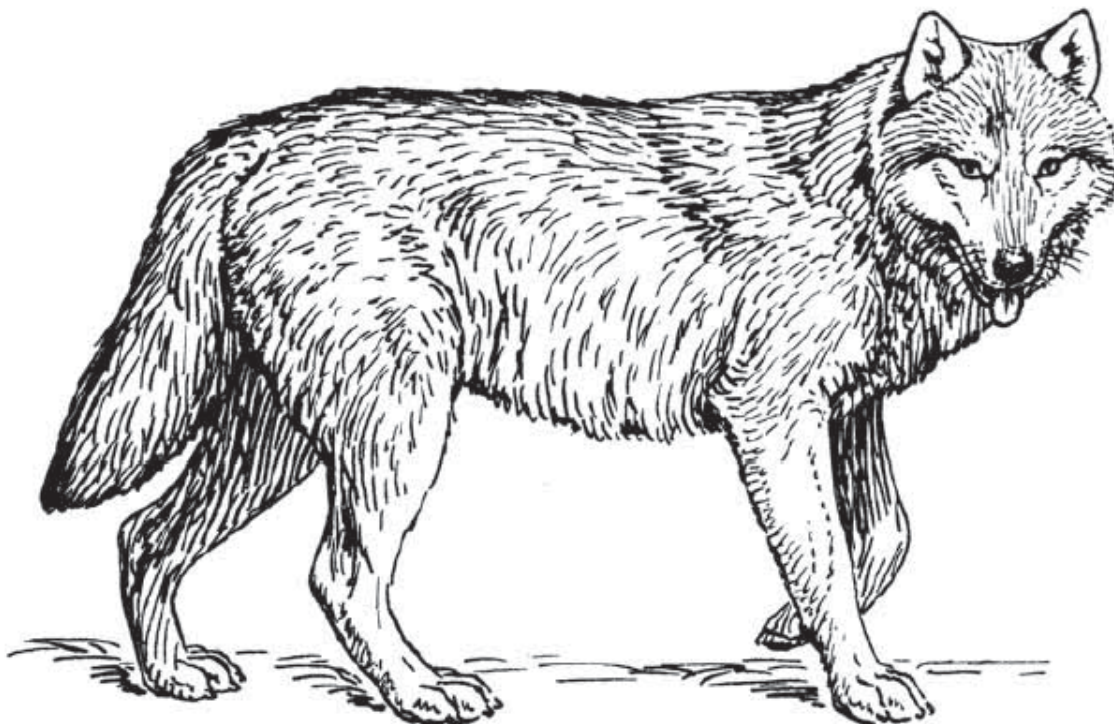
Первая Книга	6
Предисловие автора	6
Братья Маугли	8
Охота питона Каа	20
Тигр! Тигр!	34
Белый котик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51



Джозеф Редьярд Киплинг

Книга джунглей

Первая Книга



Предисловие автора

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего, он должен поблагодарить высокоученого и талантливого Бахадур Шаха, грузового слона № 174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра, Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи и большую часть материала для рассказа «Слуги ее величества». Сведения для приключения Маугли собирались мало-помалу в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному индусскому высокородному джентльмену, обитателю откосов Джакке, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарках Южной Индии, где его танцы в наморднике привлекают к нему всю иную прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы: «Тигр! Тигр!», «Охота питона Каа» и «Братья Маугли». За абрис для «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девиз: «Лучше не жить, но непре-

менно знать», — недавно лишился жизни, вследствие усердного изучения пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из своих спутников. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу, о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

Братья Маугли

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести. Волчица Мать лежала, прикрыв своей большой серой мордой четверых барахтавшихся, повизгивавших волчат, а в отверстие их пещеры светила луна.

– Огур!.. – сказал Отец Волк. – Пора мне идти на охоту.

И он уже готовился пуститься по откосу горы, когда маленькая тень с пушистым хвостом показалась подле входа в пещеру и жалобно провизжала:

– Пусть тебе сопутствует удача, о вождь волков, пусть судьба даст твоим благородным детям сильные, белые зубы; пусть счастье улыбается им. И да не забывают они голодных!

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье и лоскутья кожи на сельских свалках мусора. Вместе с тем, в джунглях боялись его, потому что шакалы способны сходить с ума, а в таком состоянии они забывают всякий страх, бегают по лесам и кусают всех, кого встречают. Когда маленький шакал сходит с ума, даже тигр прячется от него. Ведь для дикого создания безумие величайший позор! Мы называем эту болезнь водобоязнь, в джунглях же ее считают дивани – безумием.

– Войди же и посмотри, – сухо сказал ему Отец Волк, – только в пещере нет ничего съедобного.

– Для волка – нет, – ответил Табаки, – но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость – великолепный пир. Что такое мы, Джидурлог – племя шакалов, – чтобы выбирать и пробовать?

Мелкими шажками он вбежал в самую глубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса, присел и принялся с наслаждением ее грызть.

– Прими великую благодарность за прекрасное угощение, – сказал он, облизываясь. – Какие красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А еще такие юные. Впрочем, что я? Мне следовало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни – взрослые.

Табаки, как и все остальные, отлично знал, что похвалы, сказанные детям в лицо, приносят им несчастье, и ему было приятно видеть, что волки-родители встревожились.

Табаки посидел, молча радуясь, что он сделал им неприятность, потом презрительно сказал:

– Шер Хан переменял место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Шер Хан был тигр, живший в двадцати милях от пещеры близ реки Венгунга.

– Он не имеет на это права, – сердито начал Отец Волк. – По Законам Джунглей – он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне... мне предстоит охотиться эти два дня.

– Недаром мать Шер Хана назвала его Лунгри, хромым, – спокойно заметила волчица. – Он хромает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь пришел сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обыщут джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придется спасаться от подожженной ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер Хана.

– Передать ему вашу благодарность? – спросил Табаки.

– Прочь! – лязгнув зубами, сказал Отец Волк. – Прочь, ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

– Я уйду, – спокойно ответил Табаки. – Слышите, в чащах рычит Шер Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нем.

Отец Волк прислушался; в долине, которая спускалась к ручью, раздалось сухое, злобное, продолжительное ворчание ничего не поймавшего тигра, которому не стыдно, что все в джунглях узнали о его неудаче.

– Глупец, – сказал волк. – Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

– Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка, – сказала волчица. – Его дичь – человек.

Ворчание превратилось в громкое рычание, которое, казалось, несло со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок спящих под открытым небом дровосеков и цыган; именно слыша его, они иногда бросаются прямо в пасть тигра.

– Человек, – сказал Отец Волк, оскалив свои белые зубы. – Фу! Неужели в болотах мало водяных жуков и лягушек, чтобы он еще ел человека, да еще в наших местах.

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и беззащитное из всех живых созданий, и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют – и справедливо, – что людоеды страшно худеют и теряют зубы.

Рычание стало громче и вдруг послышалось: «ар-р-р», короткий крик падающего тигра.

– Он промахнулся, – сказала Волчица Мать. – Что там?

Было слышно, что Шер Хан со свирепым ворчанием бросается от одного куста к другому.

– У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе лапы, – сказал Отец Волк. – С ним и Табаки.

– А кто поднимается по откосу? – спросила Волчица Мать и насторожила одно ухо. – Приготовься!

В чаще зашелестели листья. Волк осел на задние лапы, собираясь броситься на добычу. Потом, если бы вы наблюдали за ним, вы увидели бы самую удивительную вещь на свете: волка, остановившегося на половине прыжка. Еще не увидав, на что он кидается, зверь прыгнул и в ту же минуту постарался остановиться. Вследствие этого он поднялся на четыре или пять футов от земли и упал на лапы, почти на то самое место, с которого начал нападение.

– Человек, – коротко сказал он, – детеныш человека! Смотри.

Как раз против волка, держась за одну из низких веток, стоял маленький, совершенно обнаженный, коричневый мальчик, только что научившийся ходить, весь мягонький, весь в ямочках. Он посмотрел прямо в глаза волку и засмеялся.

– Так это человеческий детеныш, – сказала Волчица Мать. – Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить своих волчат, в случае нужды может взять в рот свежее яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один его зуб не оцарапал кожи маленького мальчика. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

– Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, – мягко сказала Волчица Мать. Ребенок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре.

– Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детеныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет человеческий детеныш?

– Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни, – ответил Отец Волк. – На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Лунный свет перестал проникать в отверстие пещеры; большая четырехугольная голова и плечи Шер Хана заслонили свободное отверстие.

А позади тигра визжал Табаки:

– Мой господин, мой господин, он вошел сюда!

– Шер Хан оказывает нам великую честь, – сказал Волк Отец, но в его глазах был гнев. – Что угодно Шер Хану?

– Сюда вошел детеныш человека, – ответил тигр. – Его родители убежали. Отдай мне его.

Как и говорил волк, Шер Хан прыгнул в костер дровосека и теперь бесновался от боли в обожженных лапах. Но Волк Отец знал, что тигр не мог войти в слишком узкое для него отверстие пещеры. И так уже края боковых камней сдавливали плечи Шер Хана и его лапы сводила судорога; то же самое чувствовал бы человек, если бы он старался поместиться в бочонок.

– Волки – свободный народ, – сказал глава семьи. – Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детеныш – наш; мы уьем его, если захотим.

– Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил всю пещеру, как раскаты грома. Волчица Мать стряхнула с себя своих детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте, как две зеленые луны, глянули прямо в пылающие глаза Шер Хана.

– Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детеныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и в конце концов убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьет тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожженное животное, отправишься к своей матери, хромая хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл тот день, в который после честного боя с пятью другими волками увел с собой свою подругу; или время, когда она бегала в стае и ее называли Демоном не из одной любезности. Шер Хан мог встретиться лицом к лицу с Волком Отцом, но биться с Ракшей не хотел, зная, что на ее стороне все выгоды и что она будет бороться насмерть. Поэтому со страшным ворчанием он попятился, освободился из входа в пещеру и наконец крикнул:

– Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что-то скажет сама стая об этом нежничанье с приемышем из человеческого племени! Он – мой и в конце концов попадется мне в зубы, говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Волчица, задыхаясь, бросилась обратно к своим волчатам, и Отец Волк серьезно сказал ей:

– В этом отношении Шер Хан прав. Человеческого детеныша надо показать стае. Скажи, ты все еще хочешь оставить его у себя?

– Хочу ли? – произнесла она. – Он – бесшерстый, голодный, пришел ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунгу; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли... Да, да, я назову тебя Маугли – лягушка... и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер Хана, как он охотился на тебя.

– Но что-то скажет наша стая? – протянул Отец Волк.

Закон Джунглей очень ясно говорит, что каждый вновь женившийся волк может отделиться от своей стаи; однако едва его волчата вырастут настолько, чтобы хорошо держаться на ногах, он обязан привести их и представить Совету стаи, который обыкновенно собирается в полнолуние; это делается для того, чтобы остальные волки узнали их. После такого осмотра волчата имеют право бегать куда им угодно и пока они не поймают первого оленя. Для волка, убившего одного из них, нет оправданий. Убийцу наказывают смертью. Подумав хорошенько, вы увидите, что это справедливо.

Отец Волк выждал, чтобы его волчата научились бегать, наконец, в день собрания стаи, взял с собой их, Маугли, Волчицу Мать и отправился к Скале Совета; так называлась вершина холма, вся покрытая большими валунами и камнями, посреди которых могло спрятаться около сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, благодаря своей силе и хитрости вожак стаи, во всю свою длину растянулся на камне, ниже сидели сорок или больше волков, всех оттенков шерсти – начиная с ветеранов с окраской барсука, которые могли одни вступать в борьбу с диким буйволом, до юных черных трехгодовиков, вообразивших, будто такая борьба им по силам. Вот уже целый год Одинокый Волк водил стаю. В дни своей юности Акела два раза попадался в капканы; раз его избили и бросили, считая мертвым, – поэтому он знал обычаи и уловки людей. Мало было разговоров. Волчата возились и кувыркались в центре кольца, которое составляли их матери и отцы; время от времени один из старших волков спокойно подходил к какому-нибудь волчонку, внимательно осматривал его и, бесшумно ступая, возвращался на прежнее место. Иногда та или другая волчица вытаскивала носом своего детеныша в полосу лунного света, желая, чтобы его непременно заметили. Акела же со своей скалы восклицал:

– Вы знаете Закон, вы знаете Закон! Хорошенько смотрите, о волки!

И протяжный тревожный вой матерей подхватывал:

– Смотрите, хорошенько смотрите, о волки!

Наконец – ив эту минуту на шее Ракши поднялась высокая щетина – Отец Волк вытолкнул Маугли-лягушку, как они называли мальчика, на самую середину открытого пространства, и он уселся там и стал со смехом играть камешками, блестящими при лунном свете.

Акела не поднял головы, продолжая монотонно выкрикивать:

– Смотрите хорошенько!

Из-за скалы послышалось глухое рыканье – голос Шер Хана. Тигр кричал:

– Детеныш – мой. Отдайте его мне. Зачем Свободному Народу детеныш человека?

Акела даже ухом не шевельнул. Он только протянул:

– Смотрите хорошенько, о волки. Разве Свободному Народу есть дело до чьих-либо заявлений, кроме постановлений Свободного Народа? Хорошенько смотрите.

Послышались тихие, недовольные, ворчащие голоса; один молодой волк, которому шел четвертый год, бросил Акеле вопрос тигра:

– Что делать Свободному Народу с детенышем человека?

Надо заметить, что в силу постановлений Закона Джунглей, в случае споров относительно права вступления какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться по крайней мере двое из стаи, но не его отец или мать.

– Кто за этого детеныша? – спросил Акела. – Кто из Свободного Народа высказывается за его вступление в стаю?

Ответа не было, и Волчица Мать приготовилась к бою, который, она знала, будет для нее последним.

Тогда Балу, не принадлежавший к роду волков, но которого допускают в Совет стаи, старый Балу, сонный бурый медведь, преподающий волчатам Закон Джунглей, имеющий право расхаживать повсюду, потому что он ест только орехи, корни и мед, поднялся на задние лапы и проревел:

– Человеческий детеныш?.. Человеческий детеныш? Я высказываюсь за него. В нем нет ничего дурного. Я не обладаю даром слова, но говорю правду. Пусть он бежит вместе со стаей; примите его вместе с остальными. Я буду учить его!

– Нам нужен еще голос, – сказал Акела. – Балу высказался, а ведь он учитель наших молодых волков. Кто, кроме Балу, подаст голос за человеческого детеныша?

Стройная тень скользнула в кольцо волков. Это была Багира, черная пантера, вся черная как чернила, но с пятнами, видными как водяные клейма при известном освещении. Все знали Багиру и все боялись становиться ей поперек дороги, потому что она была хитра, как Табаки, мужественна, как дикий буйвол, неудержима, как раненый слон. Тем не менее ее голос звучал мягко, точно звук падающих с дерева капель дикого меда, а ее шерсть была нежнее лебяжьего пуха.

– О Акела, и ты, Свободный Народ, – промурлыкала она, – я не имею права голоса в ваших собраниях, но Закон Джунглей говорит, что в случае сомнений, возникших относительно нового детеныша, сомнений, не касающихся охоты, его жизнь можно купить за известную цену. И Закон не определяет, кто может и кто не может заплатить за сохранение его жизни. Правильно ли я говорю?

– Правильно, правильно, – ответили вечно голодные молодые волки. – Слушайте Багиру. Детеныша можно купить за известную цену. Так говорит Закон.

– Я знаю, что не имею здесь права голоса, а потому прошу у вас позволения говорить.

– Говори, – послышалось двадцать голосов.

– Позорно убить безволосого детеныша. Кроме того, он может вам пригодиться, когда вырастет. Балу говорил в его пользу, а если вы согласитесь принять человеческого детеныша, я к словам Балу прибавлю только что убитого мной молодого и очень жирного быка, который лежит меньше чем в полумиле отсюда. Трудно ли принять решение?

Поднялся гул голосов, звучало:

– Стоит ли рассуждать? Он умрет от зимних дождей; солнце сожжет его! Какой вред может принести нам безволосая лягушка? Пусть себе бежит со стаей. А где бык, Багира? Примем детеныша!

И все закончил глубокий лающий голос Акелы:

– Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о волки!

Внимание Маугли по-прежнему привлекали камешки; он даже не замечал, что волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все спустились к убитому быку; на Скале Совета остались только Акела, Багира, Балу, волки-усыновители Маугли, а в темноте все еще раздавалось ворчание Шер Хана, который сердился, что ему не отдали мальчика.

– Да-да, реви хорошенько себе в усы, – сказала Багира, – придет время, когда человеческий детеныш заставит твой голос звучать другим образом. Это будет так, или я ничего не знаю о людях.

– Вы хорошо сделали! – сказал Акела. – Люди и их щенята очень умны. Со временем он сделается нашим помощником.

– Конечно, он сделается твоим помощником в тяжелую минуту; ведь никто не может надеяться вечно водить стаю, – заметила Багира.

Акела ничего не сказал. Он думал о времени, наступающем для каждого вожака, когда его силы уходят и он все слабеет и слабеет, пока наконец стая не убивает его и не является новый вожак, которого в свою очередь тоже убьют.

– Уведи его, – сказал Акела Отцу Волку, – и воспитай его в правилах Свободного Народа.

Таким-то образом Маугли был введен в сионийскую волчью стаю, благодаря внесенной за него плате и доброму слову Балу.

Теперь вам придется перескочить через десять или одиннадцать лет и самим угадать, какую удивительную жизнь Маугли вел среди волков, потому что, если бы описать ее, это наполнило бы множество книг. Он рос вместе с волчатами, хотя, понятно, они сделались взрослыми волками, когда он еще оставался ребенком. Отец Волк учил его ремеслу и говорил обо всем, что находится и что происходит в джунглях; наконец каждый шелест в траве, каждое легкое дыхание жаркого ночного воздуха, каждое гуканье совы над его головой, легчайший скрип когтей летучей мыши, опустившейся на дерево, каждый плеск прыгающей в крошечных озерах рыбы, – все для мальчика стало так же важно и понятно, как конторская работа для дельца. Когда Маугли не учился, он сидел на солнце, спал, ел и опять спал; когда он чувствовал себя грязным или когда ему бывало жарко, он плавал в естественных лесных прудах; когда ему хотелось меду (Балу сказал мальчику, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он взбирался за ним на деревья. Подниматься на высокие стволы его научила Багира. Лежа на высокой ветке, пантера кричала: «Сюда, Маленький Братец», – и в первое время Маугли прижимался к сукам, точно ленивец, но со временем стал перекидываться с одной ветки на другую, почти со смелостью серой обезьяны. Во время собраний стаи он занимал указанное ему место на Скале Совета и в это время открыл, что, когда ему случалось пристально смотреть на какого-нибудь волка, тот невольно опускал глаза. Узнав это, Маугли стал в виде забавы впиваться взглядом в глаза волков. Иногда он вынимал длинные шипы, засевшие между пальцами его друзей, потому что волки страшно страдают от шипов и колючек, попавших в их кожу. По ночам мальчик спускался с горного откоса к возделанным полям и с большим любопытством смотрел на поселян в их хижинах, однако не доверял людям, так как Багира однажды показала ему до того хитро спрятанный в заросли ящик с падающей дверцей, что он чуть не попал в него. Тогда пантера сказала ему, что это ловушка. Больше всего Маугли любил вместе с Багирой уходить в темную, теплую гущу леса, спать там целый день, а ночью наблюдать за охотой черной пантеры. Голодная, она убивала все, что ей попадалось навстречу, так же поступал и Маугли... с одним исключением. Когда он подрос и его ум развился, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнего скота, так как его жизнь купили ценой жизни быка.

– Вся заросль твоя, – сказала Багира, – и ты можешь охотиться на всякую дичь, которую ты в состоянии убить, но в память о быке, заплатившем за тебя, никогда не убивай или не ешь ни молодого, ни старого домашнего скота. Таков Закон Джунглей.

И Маугли свято повиновался. Он вырастал, делался сильным, как это было бы с каждым, не сидящим за уроками мальчиком, которому не о чем думать, кроме еды. Раза два Мать Волчица сказала ему, что Шер Хану нельзя доверять и что он когда-нибудь должен убить Шер Хана. Молодой волк ежечасно вспоминал бы о совете Ракши, но Маугли позабыл ее слова, ведь он был только мальчик, хотя, конечно, назвал бы себя волком, если бы умел говорить на каком-нибудь человеческом наречии.

Шер Хан вечно попадался на его пути, потому что Акела постарел, стал слабее, и теперь хромой тигр подружился с младшими волками стаи, и те часто бегали за ним; Акела не допустил бы до этого, если бы прежняя сила дала ему возможность как следует проявлять свою власть. Кроме того, Шер Хан льстил молодым волкам и высказывал удивление, что такие прекрасные молодые охотники добровольно покоряются полуживому вожаку и детенышу человека.

– Мне рассказывали, – говаривал Шер Хан, – что на Скале Совета вы не решаетесь смотреть ему в глаза.

И молодые волки ворчали, поднимая щетину.

Багира, у которой повсеместно были уши и глаза, знала кое-что о таких разговорах и раза два прямо и просто сказала Маугли, что когда-нибудь Шер Хан его убьет; но мальчик смеялся и отвечал:

– У меня стая, у меня и ты, и, хотя Балу ленив, он может в мою защиту нанести лапой несколько ударов. Чего мне бояться?

В один очень жаркий день в мозгу Багиры появилась новая мысль, родившаяся вследствие дошедших до нее слухов. Может быть, Икки, дикобраз, предупредил пантеру; во всяком случае, раз, когда Маугли лежал в глубине джунглей, прижимаясь головой к ее красивой черной шкуре, Багира сказала ему:

– Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер Хан твой враг?

– Столько, сколько орехов на этой пальме, – ответил Маугли, конечно не умеющий считать. – Что же из этого? Мне хочется спать, Багира, а у Шер Хана такой же длинный хвост и такой же громкий голос, как у Мао, павлина.

– Теперь не время спать. Это знает Балу, знаю я, знает стая, знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил об этом тебе.

– Хо, хо! – ответил Маугли. – Недавно ко мне пришел Табаки и стал грубо уверять меня, что я бесшерстный человеческий детеныш, неспособный даже вырывать из земли дикие трюфели, а я схватил шакала за хвост, два раза качнул и ударил о пальму, чтобы научить его вежливости.

– И глупо сделал; правда, Табаки любит мутить, однако он мог сказать тебе многое, близко касающееся тебя. Открой глаза. Маленький Брат, Шер Хан не решается убить тебя в джунглях, но помни: Акела очень стар; вскоре наступит день, когда он окажется не в силах убить оленя, и тогда Одиноким Волк перестанет быть вожаком стаи. Многие из волков, которые осматривали тебя, когда ты впервые был приведен в Совет, тоже состарились, а молодежь верит Шер Хану и думает, что человеческому детенышу не место среди нас. Скоро ты сделаешься взрослым человеком.

– А разве человек не имеет права охотиться со своими братьями? – спросил Маугли. – Я здесь родился. Я повинуюсь Закону Джунглей, и в нашей стае не найдется ни одного волка, из лап которого я не вынимал бы заноз. Они, конечно, мои братья.

Багира вытянулась во всю длину и прищурила глаза.

– Маленький Братец, – сказала она, – пощупай рукой мою шею под нижней челюстью.

Маугли протянул свою сильную темную руку и там, где исполинские мышцы скрывались под блестящей шерстью, как раз под подбородком пантеры, нащупал маленькое бесшерстное пространство.

– Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот след... след ошейника, а между тем, Маленький Брат, я родилась среди людей, среди людей умерла и моя мать, в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я заплатила за тебя Совету, когда ты был маленьким голым детенышем. Да-да, я тоже родилась среди людей, а не в джунглях. Я сидела за железными брусками и меня кормили, просовывая между ними железную чашку; наконец раз ночью я почувствовала, что я, Багира, пантера, а не людская игрушка, одним ударом лапы сломала глупый замок и ушла. Благодаря моему знанию людских обычаев я в джунглях стала ужаснее Шер Хана. Правда это?

– Да, – ответил Маугли, – все в джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

– О ты, детеныш человека! – очень нежно промурлыкала пантера. – И как я вернулась в мои джунгли, так и ты в конце концов должен вернуться к людям, к людям – твоим братьям... если тебя раньше не убьют в Совете.

– Но за что же, за что могут меня убить? – спросил Маугли.

– Посмотри на меня, – сказала Багира.

И Маугли взглянул ей прямо в глаза; пантера выдержала только половину минуты, потом отвернулась.

– Вот почему, – сказала она, шевеля своей лапой на листьях. – Даже я не могу смотреть тебе в глаза, хотя родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят,

потому что не могут выдержать твоего взгляда, потому что ты разумен, потому что ты вынимал колючки из их лап, потому что ты – человек.

– Я этого не знал, – мрачно проговорил Маугли, и его черные брови сдвинулись.

– Что говорит Закон Джунглей? Прежде ударь, потом говори. Сама твоя беззаботность показывает, что ты человек. Но будь мудр. В сердце я чувствую, что, когда Акела упустит свою добычу (а с каждым днем ему делается все труднее останавливать оленей), стая обратится против него и против тебя. Они соберут Совет на скале, и тогда, тогда... Ага, придумала! – сказала Багира и одним прыжком очутилась на четырех лапах. – Скорей беги в долину к человеческим хижинам и возьми частицу Красного Цветка, который они разводят там; у тебя в свое время будет друг сильнее меня, сильнее Балу, сильнее всех, кто тебя любит. Достань Красный Цветок.

Под Красным Цветком Багира подразумевала огонь; ни одно создание в джунглях не произносит этого слова. Дикие животные смертельно боятся пламени и придумывают для него сотни разных названий.

– Красный Цветок? – спросил Маугли. – Я знаю, в сумраке он вырастает подле их хижин. Я принесу его.

– Это настоящая речь человеческого детеныша, – с гордостью сказала Багира. – Но помни: он растет в маленьких горшочках. Добудь один из них и всегда храни его на случай нужды.

– Хорошо, – сказал Маугли, – иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, – он обнял рукой прекрасную шею пантеры и глубоко заглянул в ее большие глаза, – уверена ли ты, что все это дела Шер Хана?

– Клянусь освободившим меня сломанным замком, – уверена, Маленький Брат!

– В таком случае, клянусь купившим меня быком, что я отплачу за все Шер Хану и, может быть, с избытком! – крикнул Маугли и кинулся вперед.

– Да, он человек. Это совершенно по-человечески, – сказала Багира, снова ложась. – О Шер Хан, в мире никогда не бывало такой неудачной охоты, как твоя охота на эту лягушку десять лет тому назад.

Маугли пересекал лес; он бежал быстро; в его груди горело сердце. Когда поднялся вечерний туман, он подошел к родной пещере, перевел дух и посмотрел вниз на деревню. Молодые волки ушли, но Волчица Мать, лежавшая в глубине логовища, по дыханию мальчика угадала, что ее лягушонок чем-то взволнован.

– Что тебя тревожит, сынок? – спросила она.

– Болтовня о Шер Хане, – ответил он. – Сегодня ночью я иду охотиться среди вспаханных полей.

Маугли нырнул в чащу и побежал к реке, протекавшей в глубине долины. Тут он остановился, услышав охотничий вой своей стаи, крик преследуемого самбхура и его фыркание; очевидно, он остановился, собираясь отбиваться. Тотчас же послышался злобный, полный горечи вой молодых волков:

– Акела! Акела! Одинокий Волк, покажи свою силу! Место вожаку стаи! Бросайся!

Вероятно, Одинокий Волк прыгнул и промахнулся: Маугли услышал лязг его зубов и короткий лай, вырвавшийся у него из горла, когда олень опрокинул его передней ногой. Маугли не стал ждать больше, а побежал; и по мере того, как он углублялся в возделанные поля, где жили люди, позади него вой затихал.

«Багира сказала правду, – задыхаясь, подумал Маугли и угнезвился в кормушке для скота близ окна одной хижины. – Завтра наступит важный день для Акелы и для меня».

Прижимаясь лицом к окну и глядя на пламя очага, мальчик увидел, как жена хозяина дома поднялась и стала в темноте бросать в огонь какие-то черные кусочки; когда же пришло утро и дымка тумана побелела и сделалась холодной, маленький ребенок взял сплетенную из

веток чашку, внутри вымазанную глиной, наполнил ее тлеющими угольями, прикрыл своим одеялом и вышел с нею из хижины, направляясь к коровам в загоне.

– И все? – прошептал Маугли. – Если это может сделать детеныш – нечего бояться!

Он обогнул угол дома, встретил мальчика, вырвал у него из рук чашку и скрылся в тумане. А мальчик громко кричал и плакал от ужаса.

– Они очень похожи на меня, – сказал Маугли, раздувая угли, как при нем это делала женщина. – Эта вещь умрет, если я не покормлю ее, – и он подбавил сухих веток и коры в красные угли.

На половине горного склона Маугли встретил Багиру; капли утренней росы сверкали на ее черной шерсти, как лунные камни.

– Акела промахнулся, – сказала пантера, – его убили бы в эту ночь, но им нужен также ты. Тебя искали на горе.

– Я был среди вспаханных земель. Я готов. Смотри!

Маугли поднял чашку.

– Хорошо. Слушай: я видела, что люди опускают в эту красную вещь сухие ветки, и тогда на них расцветает Красный Цветок. Тебе не страшно?

– Нет, чего бояться? Теперь я помню (если это не сон), как раньше, чем я сделался волком, я лежал подле Красного Цветка и мне было так тепло и приятно.

Весь этот день Маугли просидел в пещере, он смотрел за углями, опускал в чашку сухие ветки и наблюдал за ними. Одна ветка особенно понравилась мальчику, и когда вечером в пещеру пришел Табаки и довольно грубо сказал ему, что его требуют на Скалу Совета, он засмеялся и хохотал так, что Табаки убежал. Все еще смеясь, Маугли пошел к месту собрания стаи.

Акела лежал подле своего бывшего камня в знак того, что место вожака открыто, а Шер Хан со своей свитой волков, питавшихся остатками его пищи, не скрываясь, расхаживал взад и вперед. Ему льстили, и он не боялся. Багира легла подле Маугли, который зажал между своими коленями чашку. Когда все собрались, заговорил Шер Хан; он не осмелился бы сделать этого во времена расцвета силы Акелы.

– Он не имеет права говорить, – прошептала Багира Маугли. – Скажи это. Он собачий сын. Он испугается!

Маугли поднялся на ноги.

– Свободный Народ, – громко прозвучал его голос. – Разве Шер Хан водит стаю? Какое дело тигру до места нашего вожака?

– Ввиду того, что это место еще свободно, а также помня, что меня просили говорить... – начал Шер Хан.

– Кто просил? – сказал Маугли. – Разве мы шакалы и должны прислуживать мяснику, убивающему домашний скот? Вопрос о вожаке стаи касается только стаи.

Раздался визг, вой; голоса кричали:

– Молчи ты, щенок человека!

– Дайте ему говорить. Он хранил наш Закон!

Наконец прорычали старшие волки:

– Пусть говорит Мертвый Волк.

Когда вожак стаи не убивает намеченной добычи, весь остаток жизни (обыкновенно очень короткий) недавнего предводителя зовут Мертвым Волком.

Усталым движением Акела поднял свою старую голову.

– Свободный Народ и вы, шакалы Шер Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время никто, ни один волк не попался в ловушку и не был изувечен. Теперь я упустил добычу. Вам известно, как был выполнен заговор. Вы знаете, что меня привели к крепкому самбхуру, чтобы показать всем мою слабость. Задумали умно! Вы вправе убить меня

теперь же на Скале Совета. Поэтому я спрашиваю вас: кто выйдет, чтобы покончить с Одиноким Волком? В силу Закона Джунглей вы должны выходить по одному.

Наступило продолжительное молчание; никто из волков не хотел один на один насмерть бороться с Акелой.

Наконец Шер Хан проревел:

– Ба, какое нам дело до этого беззубого глупца? Он и так скоро умрет. Вот детеныш человека прожил слишком долгое время. Свободный Народ, с первой же минуты его мясо было моим. Отдайте его мне! Мне надоело все это безумие. Десять лет он смущал джунгли. Дайте мне человеческого детеныша. В противном случае я всегда буду охотиться здесь, не оставляя вам ни одной кости. Он человек, человеческое дитя, и я ненавижу его до мозга моих костей.

И более половины стаи завывало:

– Человек! Человек! Человек! Что делать у нас человеку? Пусть уходит откуда пришел.

– И обратит против нас все население окрестных деревень? – прогремел Шер Хан. – Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не может смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

– Он ел нашу пищу, спал рядом с нами, он загонял для нас дичь. Он не нарушил ни слова из Закона Джунглей.

– И я заплатила за него жизнью быка, когда он был принят. Бык вещь неважная, но честь Багиры нечто иное, за что она, может быть, будет биться, – самым мягким голосом произнесла черная пантера.

– Бык, внесенный в виде платы десять лет тому назад? – слышались в стае ворчащие голоса. – Какое нам дело до костей, которым минуло десять лет?

– Или до честного слова? – сказала Багира, оскалив белые зубы. – Правильно вас зовут Свободным Народом!

– Человеческий детеныш не имеет права охотиться с жителями джунглей, – провыл Шер Хан. – Дайте его мне!

– Он наш брат по всему, кроме рождения, – продолжал Акела. – А вы хотите его убить! Действительно, я прожил слишком долго. Некоторые из вас поедают домашний скот, другие же, наученные Шер Ханом, пробираются в темные ночи в деревни и уносят детей с порогов хижин. Благодаря этому я знаю, что вы трусы, и с трусами я говорю. Конечно, я должен умереть, и моя жизнь не имеет цены, не то я предложил бы ее за жизнь человеческого детеныша. Но во имя чести стаи (вы забыли об этом маленьком обстоятельстве, так как долго были без вожака) обещаю вам: если вы отпустите человеческого детеныша домой, я умру, не обнажив против вас ни одного зуба. Я умру без борьбы. Благодаря этому в стае сохранится по крайней мере три жизни. Больше я ничего не могу сделать; однако, если вы согласны, я спасу вас от позорного убийства брата, за которым нет вины, брата, принятого в стаю по Закону Джунглей после подачи за него двух голосов и уплаты за его жизнь.

– Он человек, человек, человек! – выли волки, и большая их часть столпилась около Шер Хана, который начал размахивать хвостом.

– Теперь дело в твоих руках, – сказала Багира Маугли. – Нам остается только биться.

Маугли держал чашку с углями; он вытянул руки и зевнул перед лицом Совета, но его переполняли ярость и печаль, потому что, по своему обыкновению, волки до сих пор не говорили ему, как они его ненавидят.

– Слушайте, вы, – закричал он, – зачем вам тявкать по-собачьи? В эту ночь вы столько раз называли меня человеком (а я так охотно до конца жизни пробыл бы волком среди волков), что теперь чувствую истину ваших слов. Итак, я больше не называю вас моими братьями; для меня вы собаки, как для человека. Не вам говорить, что вы сделаете, чего не сделаете. За вас буду решать я, и чтобы вы могли видеть это яснее, я, человек, принес сюда частицу Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь!

Он бросил на землю чашку; горящие угли подожгли клочки сухого мха; мох вспыхнул. Весь Совет отступил в ужасе перед запрыгавшим пламенем.

Маугли опустил сухую ветвь в огонь, и ее мелкие веточки с треском загорелись. Стоя посреди дрожавших волков, он крутил над своей головой пылающий сук.

– Ты – господин, – тихим голосом сказала ему Багира. – Спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Акела, суровый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, жалобно взглянул на Маугли, который, весь обнаженный, с длинными черными волосами, рассыпавшимися по его плечам, стоял, освещенный горящей ветвью, а повсюду кругом тени трепетали, дрожали и прыгали.

– Хорошо, – сказал Маугли, медленно осматриваясь. – Я вижу, что вы собаки, и ухожу от вас к моим родичам... если они мои родичи. Джунгли для меня закрыты, и я должен забыть вашу речь и ваше общество, но я буду милосерднее вас. Только по крови я не был вашим братом, а потому обещаю вам, что, сделавшись человеком между людьми, я вас не предаю, как вы предали меня. – Маугли толкнул ногой горящий мох, и над ним взвились искры. – Между нами и стаей не будет войны, но перед уходом я должен заплатить один долг.

Маугли подошел к Шер Хану, который сидел, глупо мигая от света, и схватил тигра за пучок шерсти под его подбородком, Багира на всякий случай подкралась к своему любимцу.

– Встань, собака, – приказал Маугли Шер Хану. – Встань, когда с тобой говорит человек, не то я подожгу твою шерсть.

Уши Шер Хана совсем прижались к голове, и он закрыл глаза, потому что пылающая ветка пододвинулась к нему.

– Этот убийца домашнего скота сказал, что он убьет меня на Совете, так как ему не удалось покончить со мной, когда я был маленьким детенышем. Вот же тебе, вот! Так мы, люди, бьем наших собак. Пошевели хоть усом, и Красный Цветок попадет тебе в глотку.

Он бил веткой по голове Шер Хана, и в агонии страха тигр визжал и стонал.

– Фу, уходи теперь прочь, заклеянная кошка джунглей! Только знай: когда я снова приду к Совету, на моей голове будет шкура Шер Хана. Дальше: Акела может жить где и как ему угодно. Вы его не убьете, потому что я не желаю этого. И думается мне, что недолго будете вы сидеть здесь, болтая языком, точно вы важные особы, а не собаки, которых я гоню. Вот так!

Конец большой ветки ярко горел. Маугли бил ею вправо и влево; когда искры попадали на шерсть волков, сидевших кольцом, они с воплем убегали. Наконец подле Скалы Совета остались Акела, Багира и около десятка волков, которые приняли сторону Маугли. И вот в своей груди Маугли почувствовал такую боль, какой не испытал еще никогда в жизни. У него перехватило дыхание; он всхлипнул, и слезы потекли по его лицу.

– Что это, что это? – спросил он. – Я не хочу уходить из джунглей и не понимаю, что со мной. Я умираю, Багира?

– Нет, Маленький Брат. Это только слезы, такие слезы бывают у людей, – сказала Багира. – Да, теперь я вижу, что ты взрослый человек, а не человеческий детеныш. Отныне джунгли действительно закрыты для тебя. Пусть они льются, Маугли; это только слезы!

Так Маугли сидел и плакал, точно его сердце разбилось. Раньше он не знал слез.

– Теперь, – сказал наконец мальчик, – я уйду к людям, но прежде попрощаюсь с моей матерью.

Он пошел в ту пещеру, в которой жил с семьей Отца Волка, и так плакал, прижимаясь к меху волчицы, что четыре молодых волка жалобно завывали.

– Вы меня не забудете? – спросил их Маугли.

– Не забудем, пока у нас хватит сил бегать по следам. Когда ты сделаешься человеком, приходи к подножию холма, мы будем с тобой разговаривать и по ночам станем выбегать в поля, чтобы играть с тобой.

– Возвращайся скорее, – сказал Волк Отец, – возвращайся скорее, о мудрая лягушечка, потому что мы, твоя мать и я, уже стары.

– Скорее приходи, – повторила Волчица Мать, – мой маленький бесшерстый сынок, потому что знай, дитя людей, я любила тебя больше, чем кого-нибудь из моих волчат.

– Конечно, приду, – ответил Маугли, – и приду для того, чтобы положить на Скалу Совета шкуру Шер Хана. Не забывайте меня. Скажите в джунглях, чтобы меня там не забывали.

Начала загораться заря; Маугли спускался с горного откоса; он, молчаливый и одинокий, шел к таинственным существам, которых зовут людьми.

Охота питона Каа

Все рассказанное здесь случилось задолго до того, как Маугли был изгнан из сионийской волчьей стаи, раньше, чем он отомстил Шер Хану, тигру, словом, и происходило в те дни, когда Балу учил его Закону Джунглей. Большой серьезный бурый медведь радовался понятливости своего ученика, потому что молодые волки стараются узнать только ту часть Закона Джунглей, которая касается их собственной стаи и их племени, и убегают, едва заучив наизусть одну строфу из Стихотворения Охотников: «Ноги, ступающие бесшумно; глаза, видящие в темноте; уши, слышащие ветры в их приютах, и острые белые зубы – вот отличительные черты наших братьев; исключаются только шакал Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Маугли же был детенышем человека, и потому ему приходилось узнавать больше. Иногда черная пантера Багира приходила через джунгли посмотреть, как подвигаются дела у ее любимца и, потирая голову о дерево, мурлыкала, пока Маугли отвечал Балу заданный ему на этот день урок. Мальчик взбирался на деревья почти так же хорошо, как плавал, а плавал почти так же хорошо, как бегал. Поэтому Балу, учитель Закона, преподавал ему Законы Леса и Законы Вод: объяснял, как отличать подгнившую ветвь от здоровой; как вежливо разговаривать с дикими пчелами, проходя под их сотами, висящими на пятьдесят футов выше его головы; как извиниться перед нетопырем Мангом, потревожив его в полдень среди ветвей, или как предупреждать водяных змей в естественных лесных прудах, готовясь кинуться к ним в воду. Никто из населения джунглей не любит, чтобы его тревожили, и все готовы броситься на незваного гостя. Узнал Маугли и Охотничий Крик Пришельцев. В том случае, когда охотник преследует дичь не на своей территории, этот призыв следует громко повторять, пока не услышишь на него ответа. В переводе он значит: «Позвольте мне охотиться здесь, потому что я голоден»; отвечают же на него так: «В таком случае охоться ради пищи, но не для удовольствия».

Все это должно вам показать, до чего многое Маугли приходилось заучивать наизусть, и, повторяя одно и то же больше ста раз, он очень уставал. Однако, как Балу сказал Багире в тот день, когда Маугли был побит и, рассерженный, убежал от него:

– Человеческий детеныш и есть человеческий детеныш, а потому он должен знать весь Закон Джунглей.

– Но подумай, какой он маленький, – возразила черная пантера, которая, конечно, избаловала бы мальчика, если бы Балу не мешал ей. – Как все эти слова могут уместиться в его маленькой голове?

– Разве в джунглях есть что-нибудь настолько маленькое, чтобы звери его не трогали? Нет. Вот потому-то я и учу детеныша; потому-то я и бью его, правда, очень нежно, когда он забывает мои слова.

– Нежно! Что ты знаешь о нежности, Железные Лапы? – проворчала Багира. – Сегодня у него все лицо разбито из-за твоей... нежности. Гр!

– Пусть лучше я, любящий детеныша, покрою его ссадинами с головы до ног, чем он, по невежеству, попадет в беду, – с жаром ответил бурый медведь. – Теперь я учу его Великим Словам Джунглей, которые послужат для него защитой среди населения – птиц, змей и всех существ, охотящихся на четырех ногах, помимо его собственной стаи. Если только детеныш запомнит слова, он получит возможность требовать покровительства от всех созданий, живущих в джунглях. Разве ради этого не стоило слегка побить его?

– Пожалуй; только смотри, не убей детеныша. Он же не древесный пенёк для оттачивания твоих тупых когтей. Но что это за Великие Слова? Конечно, гораздо вероятнее, что я окажу кому-нибудь помощь, нежели попрошу ее, – сказала Багира, вытянув одну из своих передних лап и любясь как бы изваянными резцом когтями синевато-стального цвета, которые украшали ее пальцы. – А все же мне хотелось бы узнать эти слова.

– Я позову Маугли, и он скажет их тебе... если захочет. Иди сюда, Маленький Брат!

– У меня в голове шумит, как в дупле с пчелиным роем, – слышался мрачный голосок над их головами; Маугли скользнул по стволу дерева и, ступив на землю, рассерженный и негодующий, прибавил: – Я пришел для тебя, Багира, а совсем не для тебя, жирный, старый Балу.

– Мне это все равно, – ответил Балу, хотя он был обижен и огорчен. – В таком случае, скажи Багире Великие Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

– Великие Слова какого народа? – спросил Маугли, довольный возможностью показать свою ученость. – В джунглях много наречий, я знаю их все.

– Ты знаешь далеко не все. Видишь, о Багира, они никогда не благодарят своего учителя. Ни один волчонок не возвращался, чтобы поблагодарить старого Балу за его уроки. Ну, ты, великий ученый, скажи Слова Народа Охотников.

– Мы одной крови, вы и я, – сказал Маугли с акцентом медведя, как это делают все Охотники.

– Хорошо. Теперь Великие Слова Птиц.

Маугли повторил ту же фразу, закончив ее свистом коршуна.

– Теперь Слова Змей, – сказала Багира.

В ответ слышалось совершенно неопишемое шипение; потом Маугли брыкнул ногами, захлопал в ладоши, всё в виде одобрения себе, и прыгнул на спину Багиры. Тут он уселся, свесив ноги в одну сторону, барабанил пятками по блестящей шкуре пантеры и строя самые ужасные гримасы бурому медведю:

– Так-так, из-за этого стоило получить несколько синяков, – нежно проговорил медведь. – Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

После этого Балу повернулся в сторону и сказал Багире, что он упросил Хати, дикого слона, который знает все подобные вещи, сказать ему Великие Слова, что Хати отвел Маугли к болоту, чтобы слышать Змеиные Слова от водяной змеи, так как Балу не мог их произнести, и прибавил, что теперь человеческий детеныш защищен от всех случайностей в джунглях, потому что ни змея, ни птица или четвероногое животное не посмеют сделать ему вреда.

– Ему некого бояться, – в заключение сказал Балу, с гордостью похлопывая себя по огромному пушистому брюшку.

– Кроме его собственного племени, – сказала про себя Багира и вслух прибавила, обращаясь к Маугли: – Пожалей мои ребра, Маленький Брат. Что это за танцы взад и вперед?

Маугли старался привлечь на себя внимание Багиры, дергая ее за шерсть на плече и колотя ее ногами. Когда пантера и медведь стали его слушать, он закричал во весь голос:

– Таким образом, у меня будет собственная стая, и я стану весь день водить их между ветвями.

– Это еще что за новое безумие, маленький сновидец? – спросила Багира.

– И я буду бросать ветки и грязь в старого Балу, – продолжал Маугли. – Они обещали мне это. А?

– Вуф, – громадная лапа Балу сбросила Маугли со спины Багиры, и мальчик, лежавший теперь между его огромными передними лапами, понял, что медведь сердится.

– Маугли, – сказал Балу, – ты разговаривал с Бандар-логом, с Обезьяньим Народом?

Маугли посмотрел на Багиру, желая видеть, не сердится ли также и пантера: ее глаза были жестки, как яшмовые камни.

– Ты был с серыми обезьянами, с существами без Закона, с поедателями всякой дряни. Это великий позор.

– Когда Балу ударил меня по голове, – сказал Маугли (он все еще лежал на спине), – я убежал; с деревьев соскочили серые обезьяны и пожалели меня. Никому больше не было до меня дела. – И мальчик слегка втянул ноздрями воздух.

– Жалость Обезьяньего Народа! – Балу фыркнул. – Молчание горного потока! Прохлада летнего солнца! А что дальше, человеческий детеныш?

– Потом... Потом обезьяны дали мне орехов и разных вкусных вещей и... и... отнесли меня на вершины деревьев, а там сказали, что по крови я их брат, что я отличаюсь от обезьян только отсутствием хвоста и что со временем я сделаюсь их вожаком.

– У них не бывает вожаков, – сказала Багира. – Они лгут и всегда лгали.

– Они обходились со мной очень ласково и звали меня опять к ним. Почему меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Серые обезьяны стоят, как я, на задних лапах, не дерутся жесткими лапами, а играют целый день. Пустите меня на деревья. Злой Балу, пусти меня наверх. Я опять поиграю с ними.

– Послушай, детеныш человека, – сказал медведь, и его голос прогремел, точно раскат грома в знойную ночь. – Я учил тебя Закону Джунглей, касающемуся всего нашего населения за исключением Обезьяньего Народа, живущего среди ветвей. У них нет закона. Обезьяны – отверженные. У них нет собственного наречия; они пользуются украденными словами, которые подслушивают, когда подглядывают за нами, прячась в ветвях. У них не наши обычаи. Они живут без вожаков. У них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, будто они великий народ, готовый совершать великие дела в джунглях, но падает орех, им делается смешно, и они все забывают. Мы, жители джунглей, не имеем с ними дела; не пьем там, где пьют обезьяны; не двигаемся по их дорогам; не охотимся там, где они охотятся; не умираем, где умирают они. Слыхал ли ты, чтобы я когда-нибудь до сегодняшнего дня говорил о Бандар-логе?

– Нет, – шепотом произнес Маугли, потому что теперь, когда Балу перестал говорить, в лесу стало тихо.

– Народ Джунглей изгнал их из своей памяти и не берет в рот их мяса. Обезьян очень много; они злы, грязны, не имеют стыда, и если у них есть какое-нибудь определенное желание, то именно стремление, чтобы в джунглях заметили их. Но мы не обращаем на них внимания, даже когда они бросают нам на голову грязь и орехи.

Едва медведь договорил, как с деревьев посыпался град орехов и обломков веток; послышался кашель, вой; и там, наверху, между тонкими ветвями почувствовались гневные прыжки.

– Для населения джунглей обезьяны – народ отверженный. Помни это.

– Отверженный, – сказала Багира, – тем не менее мне кажется, ты, Балу, должен был предупредить его.

– Предупредить? Я? Мог ли я угадать, что он станет возиться с такой грязью? Бандар-лог! Фу!

На их головы снова посыпался град из орехов и веток, и медведь с пантерой убежали, взяв с собой Маугли. Балу сказал правду. Обезьяны живут на вершинах деревьев, и, так как обитатели лесов редко смотрят вверх, они редко сталкиваются с Бандар-логом. Зато при виде больного волка, раненого тигра или медведя обезьяны сходят на землю, мучат их ради забавы; в надежде обратить на себя внимание зверей они постоянно кидают в них ветки и орехи. Кроме того, они воют, выкрикивают бессмысленные песни, приглашают Народ Джунглей взобраться к ним и вступить с ними в бой; или без всякого повода затевают между собой ожесточенные драки и бросают мертвых обезьян туда, где население зарослей может увидеть эти трупы. Они все собираются избрать себе вожака, составить собственные законы, придумать собственные обычаи, но никогда не выполняют задуманного, потому что их памяти не хватает до следующего дня. В оправдание себе обезьяны сочинили поговорку: «То, о чем Бандар-лог думает теперь, джунгли подумают позже», и это сильно ободряет их. Ни один из зверей не может добраться до Бандар-лога; с другой стороны, никто из зверей не желает замечать этого племени; вот потому-то обезьянам и было так приятно, когда Маугли пришел играть с ними, а Балу рассердился.

У обезьян не было какого-либо определенного намерения (Бандар-лог вообще никогда не имеет намерений), однако в голове одной из обезьян явилась, как ей показалось, блестящая мысль, и она сказала остальным, что им было бы полезно держать у себя Маугли, потому что он умел свивать ветки для защиты от ветра, и, если бы они поймали его, он, вероятно, научил бы и их своему искусству. Понятно, Маугли, сын дровосека, унаследовал от своего отца множество инстинктов; между прочим, строил хижинки из хвороста, не думая о том, почему он делает это. Наблюдая за ним с деревьев, Бандар-лог находил эту игру удивительной. Теперь, как говорили обезьяны, у них действительно появится вождь, и они сделаются самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все остальные будут замечать их и завидовать им. Они побежали вслед за Балу, Багирой и Маугли и держались совершенно тихо до времени полуденного отдыха, когда пристыженный Маугли заснул между пантерой и медведем, решив больше не иметь дела с Обезьяньим Народом.

Следующее, что он впоследствии помнил, было прикосновение жестких, сильных маленьких рук, схвативших его за плечи и за ноги; потом – удары веток по лицу. Через несколько мгновений мальчик уже смотрел вниз, в просветы между качающимися ветвями. В ту же секунду Балу пробудил джунгли своим громким глубоким голосом, а Багира, показывая все свои зубы, поднялась на дерево. Обезьяны завывали от восторга, взбираясь на верхние ветки, куда пантера не могла кинуться за ними, и закричали:

– Она заметила нас? Багира заметила нас! Все население джунглей восхищается нашей ловкостью и нашей хитростью!

Началось бегство, а бегства Обезьяньего Народа по вершинам деревьев никто не может описать. У них есть определенные дороги, перекрестки, подъемы и спуски, всё на высоте от пятидесяти до семидесяти или ста футов над землей, и они могут двигаться по этим тропам, в случае нужды, даже ночью. Две самые сильные обезьяны схватили Маугли под мышки и вместе с ним понеслись с одного дерева на другое, делая прыжки в двадцать футов. Без него они могли бы бежать вдвое быстрее; тяжесть мальчика замедляла их движение.

Хотя у Маугли кружилась голова, он невольно наслаждался этой дикой скачкой, однако, видя землю так далеко под собой, он очень боялся, а страшные толчки в конце каждого полета через воздушные бездны заставляли его сердце замирать. Провожатые мальчика иногда поднимались с ним на вершину дерева до того высоко, что он чувствовал, как самые верхние ветви с треском сгибались под ними, потом с криком, похожим на кашель, и с гуканьем снова бросались вниз, хватались передними или задними лапами за более низкие суки следующего дерева и снова двигались вверх. Иногда Маугли видел много миль зеленых зарослей, как человек с вершины мачты осматривает многие мили окружающего его моря; но после этого ветки и листья хлестали Маугли по лицу, и он вместе со своими двумя спутниками снова приближался почти к самой земле. Таким образом, прыгая, ломая ветви, с цоканьем и воем племя Бандар-лог несло по дорогам, тянувшимся через вершины деревьев, и увлекало с собою своего пленника, Маугли.

Сперва он боялся, что обезьяны кинут его вниз; потом рассердился, однако благоразумно не боролся; наконец, начал рассуждать. Прежде всего ему следовало дать о себе знать Балу и Багире. Он знал, что благодаря скорости бега обезьян его друзья останутся далеко позади. Смотреть вниз не стоило, ведь он мог видеть только верхние части ветвей, а потому мальчик поднял взгляд к небу и далеко в лазури разглядел коршуна Ранна, который то неподвижно висел в воздухе, то описывал круги, наблюдая за джунглями в надежде заметить какое-нибудь близкое к смерти создание. Ранн понял, что обезьяны несут что-то и спустился на несколько сотен ярдов, желая узнать, годна ли их ноша для еды. Увидев, что обезьяны тащили Маугли на вершину дерева, он засвистел от изумления и в ту же секунду услышал призыв: «Мы одной крови, ты и я». Волны ветвей сомкнулись над мальчиком, но Ранн повис над следующим деревом как раз вовремя, чтобы увидеть вынырнувшее черное личико.

– Заметь мой путь, – закричал Маугли. – Скажи обо мне Балу из сионийской стаи и Багире со Скалы Совета!

– От чьего имени, брат? – Ранн до сих пор никогда не видел Маугли, хотя, конечно, слышал о нем.

– Я Маугли-лягушка. Меня зовут человеческим детенышем... Заметь мой пу-у-уть!

Мальчик выкрикнул последние слова в то мгновение, когда его подбросили в воздух, но Ранн кивнул головой и стал подниматься вверх, пока не превратился в пылинку. На этой высоте он парил, наблюдая глазами, зоркими, как телескоп, за тем, как качались верхушки деревьев там, где проносился эскорт Маугли.

– Они не уйдут далеко, – посмеиваясь сказал коршун. – Они никогда не делают того, что решили. Бандар-лог вечно бросается на новое. Если только я способен предвидеть события, обезьяны навлекли на себя неприятности, потому что Балу не слабое существо, и, насколько мне известно, Багира умеет убивать не только оленей.

Ранн покачивался на крыльях и ждал.

Между тем Балу и Багира не помнили себя от гнева и печали. Багира взобралась так высоко на дерево, как никогда прежде, но тонкие ветви сломались под ее тяжестью, и она соскользнула на землю с полными коры когтями.

– Почему ты не предостерег человеческого детеныша? – прогремела она бедному Балу, который пустился бежать неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. – Стоило бить его до полусмерти, если ты не предупреждал его!

– Скорее, скорее! Мы... Мы еще можем нагнать их, – задыхаясь проговорил Балу.

– Таким-то шагом? Этот бег не утомил бы даже раненой коровы. Учитель Закона, избиватель детенышей, если ты прокачаешься так с милю, ты лопнешь. Садись и думай. Придумай план. Незачем гнаться. Если мы слишком близко подойдем к ним, они еще, пожалуй, бросят его.

– Эррула! Ву! Если обезьянам надоело тащить детеныша, они уже бросили его. Кто может верить Бандар-логу? Брось мертвых нетопырей на мою голову! Дай мне глотать почерневшие кости! Катай меня в сотах диких пчел, чтобы они до смерти искусили меня, и похорони мое тело вместе с гиеной, потому что я самый несчастный медведь в мире! Эрорулала! Вахуа! О, Маугли, Маугли! Зачем я ломал тебе голову, а не предостерег тебя от Обезьяньего Народа? Может быть, я выбил из его ума заданный ему на сегодня урок, и он останется в джунглях один, позабыв Великие Слова!

Балу прижал лапы к ушам и со стоном покачивался взад и вперед.

– Во всяком случае, некоторое время тому назад он правильно сказал мне их, – нетерпеливо заметила Багира. – Балу, у тебя нет ни памяти, ни чувства собственного достоинства. Что подумали бы джунгли, если бы я, черная пантера, свернулась, как дикобраз Икки, и принялась выть?

– Какое мне дело до того, что обо мне думают в джунглях? Может быть, он уже умер.

– Если только обезьяны не бросят его ради потехи или не убьют из лени, я не опасаясь за человеческого детеныша. Он умен, хорошо обучен, главное же, все в джунглях боятся его глаз. Однако (и это очень дурно) он во власти Бандар-лога, а это племя не страшится никого из нас, так как оно живет на деревьях. – Багира задумчиво полизала одну из своих передних лап.

– Как я глуп! О, толстый, бурый, вырывающий корни дурак! – внезапно распрямляясь, сказал Балу. – Правду говорит дикий слон Хати: «На каждого свой страх». Бандар-лог боится питона скал Каа. Он не хуже их поднимается на деревья и ночью крадет молодых обезьян. При звуке его имени, хотя бы произнесенном шепотом, у них холодеют хвосты. Идем к Каа.

– Ну что он сделает для нас? Он безногий, значит, не принадлежит к нашему племени, и у него такие дурные глаза, – сказала Багира.

– Он очень стар и очень хитер, главное же, постоянно голоден, – ответил Балу. – Обещай дать ему несколько коз.

– Насытившийся Каа спит целый месяц. Может быть, питон и теперь спит, но даже если и не спит, так он, пожалуй, сам захочет убить для себя козу. – Плохо знавшая Каа Багира, понятно, сомневалась.

– В таком случае, мы с тобой, старая охотница, заставим его послушаться нас.

Тут Балу потерся своим побелевшим бурым плечом о пантеру, и они вместе отправились отыскивать Каа, питона скал.

Они застали его на скалистой, нагретой солнцем площадке; растянувшись, он любовался своей прекрасной новой кожей. Последние десять дней питон провел в уединении, так как менял кожу, и теперь был великолепен. Каа вытягивал свою огромную голову с тупым носом, изгибал свое тридцатифутовое тело, свивался в фантастические узлы и кольца, в то же время облизывая губы при мысли о будущем обеде.

– Он еще не ел, – сказал Балу и, увидав красивую, покрытую прекрасными коричневыми пятнами новую желтую одежду змеи, проворчал: – Осторожнее, Багира. После перемены кожи он подслеповат и спешит наносить удары.

Каа не был ядовит; он даже презирал ядовитых змей, считая их трусами; вся сила питона зависела от его величины, и когда он охватывал своими огромными кольцами какое-нибудь создание, для того наступал конец.

– Хорошей охоты, – закричал Балу, оседая на задние лапы.

Как все змеи этого рода, Каа был глуховат: он не сразу услышал приветствие медведя и на всякий случай свернулся, опустив голову.

– Хорошей охоты всем нам, – ответил питон. – Ого, Балу, что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира! По крайней мере одному из нас нужна пища. Слышно ли что-нибудь о дичи поблизости? Нет ли молодого олененка или хотя бы молодого козла? Внутри меня пусто, как в сухом колодце.

– Мы охотимся, – небрежно заметил Балу. Медведь знал, что Каа не следует торопить: он слишком велик.

– Позвольте мне отправиться с вами, – сказал Каа. – Одной добычей больше или меньше, не важно для тебя, Багира, или для тебя, Балу. Мне же приходится несколько дней подряд караулить на лесной тропинке или целую ночь подниматься то на одно, то на другое дерево ради возможности поймать молодую обезьяну. Пшшшш! Теперь уже не такие ветки, как во времена моей юности. Все погнившие, сухие!

– Может быть, это зависит от твоей тяжести, – сказал Балу.

– Да, я длинен, достаточно длинен, – с оттенком гордости ответил Каа. – Однако молодые деревья действительно хрупки, ломки. Недавно на охоте я чуть не упал; да, чуть не упал, скользя вниз и не обвив достаточно крепко хвостом дерево; этот шум разбудил обезьян, и они стали бранить меня самыми скверными словами.

– Безногий, желтый дождевой червь, – прошептала Багира, как бы стараясь вспомнить что-то.

– Сссс! Они называли меня так? – спросил Каа.

– Во время прошлой луны обезьяны кричали нам что-то в этом роде, но ведь мы не замечаем их. Пусть они говорят, что им угодно, даже будто ты потерял все зубы и боишься каждого существа крупнее козленка, так как (Бандар-лог совершенно бессовестное племя!) тебя устрашают рога козла, – сладким голосом заметила Багира.

Надо сказать, что змея, в особенности осторожный старый питон, редко выказывает гнев; тем не менее Балу и Багира заметили, что глотательные мышцы по обеим сторонам горла Каа сморщились и вздулись.

– Обезьяны переменили место своей стоянки, – спокойно сказал питон. – Когда сегодня я выполз на солнце, до меня донеслось их гуканье в вершинах деревьев.

– Теперь мы идем вслед за Бандар-логом, – проговорил Балу, но слова застряли у него в горле, ведь он не помнил, чтобы кто-нибудь в джунглях признавался, что его интересуют поступки обезьян.

– Без сомнения, немаловажное обстоятельство заставляет двоих таких охотников – вожаков у себя в джунглях – идти по следу Бандар-лога, – вежливо ответил Каа, весь надуваясь от любопытства.

– В сущности, – начал Балу, – я просто старый, порой очень неумный преподаватель Закона сионийским волчатам, а Багира...

– Багира и есть Багира, – перебила его черная пантера и, щелкнув зубами, закрыла рот; она считала смирение вещью ненужной.

– Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, вероятно, слышал.

– Икки (длинные иглы на его спине делают это существо самонадеянным) болтал, будто человек был принят в волчью стаю, но я не поверил ему. Икки вечно повторяет то, о чем он слышал вполуха, и повторяет очень плохо.

– Но он сказал правду. Никогда в мире не было такого человеческого детеныша, – проговорил Балу. – Он самый лучший, самый умный, самый смелый из человеческих детенышей; это мой ученик, который прославит имя Балу во всех джунглях; кроме того, я... мы... любим его, Каа.

– Тсс! Тсс! – сказал Каа, покачивая головой из стороны в сторону. – Я тоже когда-то знал, что значит любовь. Я мог бы рассказать вам историю, которую...

– Которую мы хорошо оценим, только когда, сытые, будем отдыхать в светлую ночь, слушая тебя, – быстро перебила его Багира. – Теперь же наш человеческий детеныш в руках Бандар-лога, а мы знаем, что Обезьяний Народ боится одного Каа.

– Они боятся одного меня. И вполне основательно, – произнес Каа. – Глупые, болтающие тщеславные создания, тщеславные, глупые, болтающие – вот каковы эти обезьяны! Но человеческому существу плохо в их руках. Им надоедают подобранные ими орехи, и они швыряют их на землю. Они шесть часов таскают ветку, намереваясь с ее помощью совершить великие дела, потом ломают ее пополам. Нельзя позавидовать этому человеческому существу. И обезьяны называли меня желтой рыбой? Ведь так?

– Червем, червем, дождевым червяком, – сказала Багира, – и говорили про тебя еще многое, что мне стыдно повторять.

– Следует научить обезьян хорошо отзываться об их господине. Эээ-ссш! Поможем им собрать их блуждающие воспоминания. Ну а куда убежали они с детенышем?

– Это известно только джунглям. Кажется, в сторону заката солнца, – сказал Балу. – Мы думали, что ты знаешь, Каа.

– Я? Каким образом? Я беру их, когда они попадают на моей дороге, но не охочусь на Бандар-лога, или на лягушек, или на зеленую пену в водяных ямах.

– Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло! Смотри вверх, Балу из сионийской волчьей стаи!

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, откуда звучал голос. В воздухе парил коршун Ранн; он парил, опускаясь вниз, и солнце блестело на его крыльях. Подходило время, в которое Ранн устраивался на ночлег; он осмотрел все джунгли, отыскивая медведя, но не разглядел его в густой листве.

– Что там? – спросил Балу.

– Я видел Маугли среди обезьян. Он просил меня сказать тебе об этом. Я следил. Они увели его за реку, в город обезьян, в Холодные Логовища. Может быть, они останутся там на

ночь, пробудут десять ночей или только часть ночи. Я просил летучих мышей наблюдать за ними в темное время. Я исполнил данное мне поручение. Хорошей охоты всем вам, там внизу!

– Полный зоб и глубокий сон тебе, Ранн! – крикнула Багира. – Во время моей следующей охоты я не забуду о тебе и отложу голову для одного тебя, о лучший из коршунов.

– Полно, полно. Мальчик сказал Великие Слова Птиц, да еще в то время, когда его тащили через деревья.

– Слова были крепко вбиты в его голову, – заметила Багира. – Но я горжусь им. А теперь мы должны отправиться к Холодным Логовищам.

Все они знали, где помещалось это место, но немногие из обитателей джунглей заходили туда, потому что Холодными Логовищами звери называли древний покинутый город, затерянный и погребенный в зарослях, а дикие создания редко селятся там, где прежде жили люди. Это делает кабан, охотничьи же племена – нет. Кроме того, в Холодных Логовищах жили обезьяны (если можно было сказать, что они жили где-нибудь), и потому уважающие себя животные заглядывали в развалины только во время засухи, когда в полуразрушенных водоемах и желобах старинного города еще сохранялось немного воды.

– Туда придется идти половину ночи, – сказала Багира, и Балу стал очень серьезен.

– Я побегу, как можно быстрее, – тревожно сказал он.

– Мы не можем ждать тебя. Спешите за нами, Балу. Нам с Каа придется спешить.

– Есть у меня ноги или нет их, я не отстану от тебя, Багира, несмотря на все твои четыре лапы, – сухо заметил Каа.

Балу спешил, но задыхался, и ему скоро пришлось сесть на землю; его спутники предоставили ему возможность догонять их, и Багира быстрыми легкими скачками пантеры двинулась вперед. Каа ничего не говорил, но как ни старалась опередить его Багира, огромный питон скал не отставал от нее. Когда перед ними оказался горный поток, Багира выиграла несколько ярдов, так как перескочила через него, питон же поплыл, выставив из воды голову и фута два шеи. Зато на ровной местности он поравнялся с черной пантерой.

– Клянусь сломанным замком, освободившим меня, – сказала Багира, когда на землю спустился полумрак, – ты двигаешься быстро.

– Я голоден, – ответил Каа. – Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

– Червем, дождевым червем, да еще желтым.

– Это одно и то же. Вперед! – И Каа, казалось, струился по земле; своими неподвижными глазами он отыскивал кратчайший путь и направлялся по нему.

А в Холодных Логовищах обезьяны совсем не думали о друзьях Маугли. Они принесли мальчика в затерянный город и временно были очень довольны собой. Маугли никогда еще не видел индусских городов, и, хотя перед ним громоздились развалины, Холодные Логовища показались ему изумительными и великолепными. Когда-то, очень давно, король построил город на холме. Можно было видеть остатки каменных дорог, которые вели к разрушенным воротам, где последние обломки дощатых створок еще висели на изношенных, заржавленных петлях. В стены корнями вросли деревья; укрепления расшатались и обвалились; из окон стенных башен косматыми прядями свешивались густые лианы.

Холм увенчивал большой, лишенный крыши дворец; мрамор, выстилавший его дворы и фонтаны, треснул, покрылся красными и зелеными пятнами; даже гранитные плиты, устилавшие тот двор, где прежде жили королевские слоны, раздвинулись и приподнялись, благодаря пробившейся между ними траве и там и сям выросшим молодым деревьям. Из дворца можно было видеть ряды домов без крыш, которые придавали городу вид опустошенных сотов, полных черных теней; бесформенную каменную глыбу – остатки идола, на той площади, где пересекались четыре дороги; углубления и ямы на углах улиц, там, где прежде помещались общественные колодцы и разрушившиеся купола храмов с дикими фиговыми деревьями, зеленеющими по их краям. Обезьяны называли это место своим городом и выказывали притвор-

ное презрение к населению джунглей за то, что оно жило в лесу. А между тем они не знали назначения строений и не умели пользоваться ими. Обезьяны часто садились кружками в зале совета короля, чесались, отыскивая блох, и притворялись людьми. Иногда же то вбегали в дома без крыш, то выбегали из них, складывали куда-нибудь в угол куски штукатурки и старые кирпичи, тотчас же забывали, куда спрятали их, дрались и кричали во время схваток, внезапно затевали игры, носясь вверх и вниз по террасам королевского сада, раскачивали там кусты роз и апельсиновые деревья, забавляясь тем, как с них падают цветы и плоды. Они исследовали все проходы, все темные коридоры дворца, многие сотни его маленьких затененных комнат, но не помнили, что видели, чего нет. Так по двое и поодиночке или толпами обезьяны шатались, постоянно уверяя друг друга, что они держатся совершенно как люди. Они пили в водоемах, мутили воду и дрались из-за этого, но сейчас же все неслись куда-нибудь толпой, крича: «В джунглях нет никого такого умного, ловкого, сильного и благородного, как Бандар-лог!» И все начиналось сызнова, пока им не надоедал город, и они возвращались на вершины деревьев в надежде, что население джунглей заметит их.

Воспитанному в правилах Закона Джунглей Маугли этот образ жизни не нравился, и он не понимал его. Обезьяны притащили его в Холодные Логовища к вечеру, но не легли спать, как сделал бы мальчик после долгого пути; напротив, взяв друг друга за руки, они принялись танцевать и петь свои нелепые песни. Одна из обезьян произнесла речь, сказав своим товарищам, что со дня плена Маугли начнется новая история Бандар-лога, так как человеческий детеныш научит их свивать между собой ветки и тростники для защиты от дождя и холода. Маугли собрал несколько лиан и принялся продевать их одну через другую, обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это надоело; они принялись дергать своих друзей за хвосты или, кашляя, прыгать вверх и вниз.

– Я голоден, – сказал Маугли, – и не знаю этой части джунглей. Покормите меня или позвольте отправиться на охоту.

Обезьян двадцать – тридцать кинулось в разные стороны, чтобы принести ему орехов или дикого имбиря, но по дороге затеяли драку и скоро решили, что возвращаться с остатками плодов не стоит. Маугли не только был голоден, он еще сердился и чувствовал огорчение. Наконец мальчик пошел бродить по опустевшему городу, время от времени громко выкрикивая Охотничий Зов Пришельцев. Никто ему не ответил, и он понял, что попал в очень опасное место. «Все, что говорил Балу о Бандар-логе, – правда, – подумал Маугли. – У них нет ни закона, ни охотничьего призыва, ни вожаков, нет ничего, кроме глупых слов и маленьких, щиплющих, воровских рук. Если я умру здесь с голоду и буду убит, это случится по моей вине. Однако мне следует постараться вернуться в мои родные джунгли. Конечно, Балу прибудет меня, но это лучше глупой ловли розовых лепестков среди Бандар-лога».

Едва Маугли дошел до городской стены, как обезьяны потащили его обратно, твердя ему, что он не знает, какое счастье выпало на его долю. И они щипали его, чтобы он выказал им благодарность. Маугли крепко сжал губы и, ничего не говоря, шел вместе с кричащими обезьянами на террасу, которая была выше наполовину наполненных дождевой водой резервуаров из красного песчаника. Посередине террасы стояла белая мраморная беседка, выстроенная для принцесс, умерших за сто лет перед тем. Половина куполообразной крыши красного строения обвалилась внутрь его и засыпала подземный коридор, по которому принцессы, бывало, проходили из дворца в беседку; стены ее были сделаны из мраморных плит, прелестных молочно-белых резных панелей, в которые были вкраплены куски агата, корналина, яшмы и ляпис-лазури; когда из-за холма вставала луна, ее лучи светили сквозь кружевную резьбу и на землю ложились тени, похожие на черную бархатную вышивку. Как ни был огорчен и голоден Маугли, как ни было ему грустно, он невольно засмеялся, когда сразу двадцать обезьян принялось рассказывать ему, до чего они мудры, сильны и кротки и как безумен он, желая расстаться с ними. «Мы велики. Мы свободны. Мы изумительны. Мы самое изумительное племя

во всех джунглях, – кричали они. – Ты впервые слышишь о нас и можешь передать наши слова населению джунглей, чтобы оно в будущем замечало нас, а потому мы сообщим тебе все о таких удивительных и превосходных существах, как мы». Маугли не возражал; сотни обезьян собрались на террасе, чтобы слушать своих же товарок, воспевавших хвалы Бандар-логу; когда ораторша умолкала, желая перевести дыхание, все остальные обезьяны кричали: «Это правда; мы все говорили то же самое». Маугли утвердительно кивал головой, мигал и говорил: «Да», – в ответ на их вопросы, чувствуя головокружение от шума. «Вероятно, шакал Табаки перекусал их всех, – думал он, – и теперь они все сошли с ума. Конечно, «дивани», безумие, овладело ими. Разве они никогда не спят? Вот подходит облако; оно закроет луну. Если бы эта тучка оказалась достаточно велика, я мог бы попытаться убежать в темноте. Но я так устал».

За тем же облаком наблюдали два друга мальчика, скрываясь во рве под городской стеной; Багира и Каа хорошо знали, как опасен Обезьяний Народ, когда он нападает большой толпой, и не хотели подвергать себя риску. Бандар-лог вступает в драку только в том случае, если на одного врага приходится по сотне обезьян, и немногие из жителей джунглей решаются на такую борьбу.

– Я отправлюсь к западной стене, – прошипел Каа, – и быстро спущусь; покатая местность поможет мне. Обезьяны не кинутся сотнями на мою спину, но...

– Я знаю, – сказала Багира. – Жаль, что здесь Балу нет; но сделаем все возможное. Когда облако закроет луну, я поднимусь на террасу. По-видимому, они о чем-то советуются по поводу мальчика.

– Удачной охоты, – мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене. Оказалось, что в этом месте вал был поврежден меньше, чем где бы то ни было, и большая змея нашла возможность подняться на камни.

Облако закрыло луну, Маугли спросил себя: «Что делать?» – и в то же время мгновенно услышал звук легких шагов Багиры. Черная пантера быстро, почти бесшумно поднялась по откосу и теперь была обезьян, сидевших вокруг Маугли кольцом в пятьдесят – шестьдесят рядов; Багира знала, что лучше бить обезьян лапами, чем тратить время, кусая их. Послышался вопль ужаса и бешенства, и, когда Багира двинулась, шагая по валявшимся, вздрагивающим телам, одна обезьяна закричала: «Здесь только она! Смерть ей! Смерть!» Над пантерой сомкнулась масса обезьян, они кусали ее, царапали, рвали ее кожу, дергали и толкали; шестеро обезьян схватили Маугли, подняли его на стену беседки и толкнули вниз сквозь пролом в куполе. Мальчик, воспитанный людьми, жестоко разбился бы; беседка имела добрых пятнадцать футов высоты, но Маугли упал так, как его учил Балу, и опустился на ноги.

– Оставайся здесь, – закричали ему обезьяны, – подожди; мы убьем твоих друзей и придем играть с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

– Мы одной крови, вы и я, – быстро произнес Маугли, закончив эту фразу призывом для змей. Около себя в мусоре он слышал шорох, шипение и для полной безопасности повторил Змеиные Великие Слова.

– Хорош-ш-шо! Опустите капюшоны, – прозвучало с полдюжины тихих голосов (рано или поздно каждая развалина в Индии делается приютом змей, и старая беседка кишела кобрами). – Не двигайся, Маленький Брат, твои ноги могут повредить нам.

Маугли стоял по возможности спокойно, глядя через резной мрамор и прислушиваясь к дикому гулу борьбы вокруг черной пантеры. Слышался вой, цоканье, шарканье ног, глубокий хриплый, похожий на кашель, крик Багиры, которая отступала, выгибала спину, поворачивалась и ныряла под стаю своих врагов. В первый раз за всю свою жизнь Багира защищалась от смерти.

«Вероятно, Балу близко; Багира не пришла бы одна», – подумал Маугли и громко закричал:

– К водоему, Багира! Скатись к водоему Скатись и нырни! В воду!

Багира услышала; и восклицание, показавшее пантере, что Маугли в безопасности, придало ей нового мужества. Она отчаянно, дюйм за дюймом, пробивалась к резервуарам, молча нанося удары. Вот со стороны ближайшей к зарослям разрушенной стены донесся раскатистый боевой клич Балу. Старый медведь торопился изо всех сил, но раньше не мог подоспеть.

– Багира, – кричал он, – я здесь! Я лезу! Я тороплюсь! Эхвора! Камни выкатываются из под моих ступней. погоди ты, о бесчестный Бандар-лог!

Бурый медведь, задыхаясь, поднялся на террасу и тотчас же исчез под хлынувшей на него волной обезьян, но резко осел на задние ноги и, вытянув передние лапы, прижал к себе столько своих врагов, сколько мог захватить, потом принялся колотить их; стук, стук, стук, – слышалось что-то вроде мерного звука мельничного колеса. Хруст ветвей и всплеск воды дали понять Маугли, что Багира пробилась к водоему, в который обезьяны не могли броситься за ней. Пантера лежала в бассейне, хватая ртом воздух, выставив из воды одну голову; обезьяны же толпились на красных ступенях, от злости прыгая по ним взад и вперед и готовясь броситься на пантеру, едва она выйдет из бассейна, чтобы бежать помогать Балу. Вот тогда-то Багира и подняла свой подбородок, с которого капала вода, и в отчаянии произнесла Змеиный Призыв:

– Мы одной крови, ты и я.

Ей представилось, будто в последнюю минуту Каа повернул обратно. Хотя Балу задыхался под грудой обезьян на краю террасы, он невольно усмехнулся, услышав, что черная пантера просит помощи.

Каа только что перебрался через западную стену, изогнув свое тело с такой силой, что замковый камень скатился в ров. Питон не желал потерять выгоду своего положения и раза два свился в кольца и распрямился, с целью удостовериться, что каждый фут его длинного тела в полном порядке. Бой с Балу продолжался, и обезьяны выли кругом Багиры, а Манг, нетопырь, летая взад и вперед, рассказывал о великой борьбе всем джунглям, так что даже Хати, дикий слон, затрубил в свой хобот и отдаленные стаи Обезьяньего Народа помчались по древесным дорогам на помощь своим товарищам в Холодных Логовищах. Шум сражения разбудил также всех дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся прямо, быстро, стремясь убивать. Боевая мощь питона заключается в ударе его головы, которой двигает тяжесть его огромного тела. Если вы можете представить себе копье, или таран, или молоток, весящие около полутонны и направляемые хладнокровным спокойным умом, живущим в рукоятке одной из этих вещей, вы более или менее поймете, во что превращался Каа во время боя. Питон, длинной в четыре или пять футов, сбивает с ног человека, ударив его прямо в грудь, а, как вам известно, Каа имел тридцать футов длины. Первый удар он нанес в самую середину толпы, окружавшей Балу; он сделал это молча, закрыв рот; повторения не понадобилось. Обезьяны рассеялись, крича:

– Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Многие поколения юных обезьян смирялись и начинали вести себя хорошо, когда старшие пугали их рассказами о Каа, ночном воре, который мог проскользнуть между ветвями так же беззвучно, как растет мох, и унести с собой самую сильную обезьяну в мире; о старом Каа, который умел делаться до того похожим на засохший сук или сгнивший кусок дерева, что даже самые мудрые обманывались, и тогда ветвь хватала их. Обезьяны боялись в джунглях только Каа, потому что ни одна из них не знала пределов его могущества; ни одна не выдерживала его взгляда; ни одна не вышла живой из его объятий. Итак, теперь они, бормоча от ужаса, кинулись к стенам и к домам, и Балу вздохнул с облегчением. Его мех был гораздо гуще шерсти Багиры; тем не менее он жестоко пострадал во время схватки. Вот Каа в первый раз открыл свой рот; произнес длинное, шипящее слово, и обезьяны, спешившие под защиту Холодных Логовищ, остановились; они, дрожа, прижались к ветвям, которые согнулись и затрещали под их тяжестью. Обезьяны на стенах и на пустых домах замолчали, и в тишине, спустившейся на город, Маугли слышал, как Багира отряхивалась, покинув водоем. В эту минуту снова под-

нялся шум. Обезьяны стали взбираться выше на стены; многие прижались к шеям больших каменных идолов; многие с визгом побежали по укреплениям. Маугли же, прыгая в беседке, прижал один глаз к резьбе и, пропустив дыхание между передними зубами, ухнул по-совиному, желая показать Бандар-логу, что он презирает его и смеется над ним.

– Вытащите человеческого детеныша из этой ловушки. Я ничего больше не в силах сделать, – задыхаясь произнесла Багира. – Возьмем его и уйдем. Обезьяны могут возобновить нападение.

– Они не двинутся, пока я не прикажу им. Стойте так; тиш-ш-ше! – прошипел Каа, и город снова затих. – Я не мог взобраться раньше, но, кажется, ты меня звала? – это было сказано Багире.

– Я... я... может быть, закричала что-нибудь во время боя, – ответила Багира. – Ты ранен, Балу?

– Я не уверен, что обезьяны не разорвали меня на части, сделав из моей шкуры сотню медвежат, – серьезно сказал Балу, потрясая попеременно каждой лапой. – Вуф! Мне больно. Каа, мы, Багира и я, обязаны тебе нашим спасением!

– Неважно. Где человек?

– Здесь, в ловушке; я не могу вылезти! – закричал Маугли. Над его головой изгибалась часть сломанного купола.

– Возьмите его отсюда. Он прыгает, как Мао, павлин, и может передавить всех наших детей, – прозвучали изнутри голоса кобр.

– Хаххх, – усмехаясь, прошипел Каа, – у этого человечка повсюду друзья. Отступи, человек, а вы, Ядовитый Народ, спрячьтесь. Я разобью стенку.

Каа внимательно осмотрел стены беседки и нашел в мраморе выпцветшую трещину, которая говорила о слабом месте резьбы; раза два или три питон слегка стукнул головой, чтобы сообразить необходимое для удара расстояние; наконец, подняв над землей шесть футов своего тела, изо всей силы нанес около шести ударов носом. Резьба сломалась и упала среди облака пыли и осколков. Маугли выскочил через образовавшееся отверстие и остановился между Балу и Багирой, обняв могучие шеи своих друзей.

– Ты ранен? – спросил Балу, нежно лаская его.

– Мне грустно, я голоден и сильно ушибся; но, мои друзья, они ужасно измучили вас; вы в крови!

– В крови не одни мы, – ответила Багира, облизывая губы и окидывая взглядом мертвых обезьян на террасе и около водоема.

– Это ничего, все ничего, только бы ты был цел, о моя гордость, лучшая лягушечка в мире, – проворчал Балу.

– Об этом мы поговорим позже, – заметила Багира таким сухим тоном, который не понравился Маугли. – Но с нами Каа; мы обязаны ему победой, а ты – сохранением жизни. Поблагодари его согласно нашим обычаям, Маугли.

Маугли повернулся и увидел, что большая голова питона покачивается на целый фут выше его собственной макушки.

– Так это человек? – сказал Каа. – У него очень нежная кожа, и нельзя сказать, чтобы он совсем не походил на обезьян. Берегись, человек! Смотри, чтобы после перемены кожи я в сумерки не принял тебя за кого-нибудь из Бандар-лога.

– Мы одной крови, ты и я, – ответил Маугли. – Сегодня ты дал мне жизнь. Моя добыча всегда будет твоей, когда ты почувствуешь голод, о Каа.

– Благодарю тебя, Маленький Брат, – сказал питон, хотя в его глазах продолжал мерцать свет. – А что может убивать такой храбрый охотник? Спрашиваю это, чтобы идти за тобой, когда в следующий раз ты отправишься на ловлю.

– Я ничего не убиваю, так как еще слишком мал; но я загоняю оленей для тех, кому они могут пригодиться. Когда ты почувствуешь, что у тебя внутри пусто, явись ко мне и посмотри, говорю ли я правду. У меня есть некоторая ловкость в них, – он поднял свои руки, – и если ты когда-нибудь попадешься в ловушку, я отплачу тебе добром за добро. С сегодняшнего вечера я в долгу перед тобой, перед Багирой и Балю. Удачной охоты всем вам, мои владыки.

– Хорошо сказано, – проворчал Балу, потому что мальчик действительно очень мило выразил свою благодарность.

На минуту голова питона легла на плечо Маугли.

– Храброе сердце и вежливый язык, – сказал он. – Ты должен далеко пойти в джунглях, человек. Теперь же поскорее уходи отсюда вместе со своими друзьями. Уйди и засни; луна садится, и тебе нехорошо видеть то, что произойдет здесь.

Луна опускалась за горы; ряды дрожащих, жавшихся друг к другу обезьян на стенах и укреплениях казались какими-то трепещущими разорванными косматыми лоскутами. Балу спустился к бассейну, чтобы напиться; Багира принялась приводить в порядок свой мех, питон же Каа скользнул к центру террасы и закрыл свои челюсти с таким сухим стуком, что глаза всех обезьян обратились к нему.

– Луна заходит, – сказал он, – достаточно ли света, чтобы видеть?

Со стен пронесся стон, похожий на звук ветров в вершинах деревьев:

– Мы видим, о Каа.

– Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода Каа. Сидите и смотрите.

Раза два или три он прополз, делая большие круги и покачивая головой то вправо, то влево; потом стал свивать свое мягкое тело в петли, восьмерки, тупые треугольники, которые превращались в квадраты и пятиугольники; свертывался в виде холмика, и все время двигался без отдыха, без торопливости. В то же время слышалась его тихая, непрерывная жужжащая песнь. Воздух темнел; наконец мрак скрыл скользкие изменчивые кольца змеи; слышался только шелест ее чешуи.

Балу и Багира стояли, как каменные, с легким ворчанием, ошетилившись, а Маугли смотрел на все и удивлялся.

– Бандар-логи, – наконец прозвучал голос Каа, – может ли кто-нибудь из вас без моего приказа пошевелить рукой или ногой? Отвечайте.

– Без твоего приказа мы не можем шевельнуть ни ногой, ни рукой, о Каа.

– Хорошо. Сделайте один шаг ко мне.

Ряды обезьян беспомощно колыхнулись вперед; вместе с ними, как деревянные, шагнули Балу и Багира.

– Ближе, – прошипел Каа. И все снова подвинулись.

Маугли положил свои руки на Балу и на Багиру, чтобы увести их, и два больших зверя вздрогнули, точно внезапно разбуженные ото сна.

– Не снимай руки с моего плеча, – прошептала Багира. – Держи меня, не то я вернусь к Каа. Ах!

– Да ведь старый Каа просто делает круги на пыльной земле, – сказал Маугли. – Уйдем! Все трое проскользнули через пролом в стене и очутились в джунглях.

– Вуф, – произнес Балу, когда он снова остановился под неподвижными деревьями. – Никогда больше я не возьму Каа в союзники, – и он встряхнулся.

– Он знает больше нас, – с дрожью проговорила Багира. – Еще немножко, и я кинулась бы к нему в пасть.

– Многие пройдут по этой дороге, раньше нового восхода луны, – заметил Балу – Он хорошо поохотится сегодня... по-своему...

– Но что же все это значит? – спросил Маугли, не знавший о притягательной силе взгляда питона. – Пока не стемнело, я видел только большую змею, которая делала какие-то глупые фигуры и круги. И у Каа весь нос разбит! Хо! Хо!

– Маугли, – сердито остановила мальчика Багира, – его нос разбит по твоей милости, так же, как мои уши, бока и лапы, шея и плечи Балу искусаны из-за тебя же. Много дней ни Балу, ни Багира не будут в состоянии и с удовольствием охотиться.

– Не беда, – сказал Балу, – с нами опять человеческий детеныш!

– Это правда, но вместо того, чтобы поохотиться, мы дорого заплатили за него – ранами, шерстью (у меня выщипана половина меха на спине) и, наконец, честью. Помни, Маугли, я – черная пантера, была принуждена просить защиты у Каа, и мы с Балу стали глупы, как маленькие птички, при виде этой пляски голода. Вот, человеческий детеныш, что произошло из-за твоих игр с Бандар-логом.

– Правда, все это правда, – печально проговорил Маугли. – Я дрянной человеческий детеныш и теперь чувствую, как во мне тоскует желудок.

– Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу не хотелось навлекать на Маугли новых неприятностей, но шутить с Законом он не желал, а потому тихо проворчал:

– Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира, он очень маленький.

– Я не забуду этого, но он был причиной беды и его нужно побить. Маугли, ты можешь что-нибудь сказать?

– Ничего, я виноват. Балу и ты ранены. Справедливо наказать меня.

Багира раз шесть любовно ударила его, с точки зрения пантеры, очень легко; эти толчки вряд ли разбудили бы ее детеныша, но для семилетнего мальчика они были жестокими побоями, и в годы Маугли каждый мог бы пожелать избежать их. Когда все было окончено, мальчик чихнул, и, не говоря ни слова, поднялся на ноги.

– Теперь, – сказала Багира, – прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, мы отправимся домой. Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что наказание уничтожает старые счеты; все оканчивается, и никто не хмурится.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так глубоко, что не проснулся даже, когда она опустила его в пещере подле Волчицы Матери.

Тигр! Тигр!

Теперь мы должны вернуться к первому рассказу. Когда после боя со стаей около Скалы Совета Маугли вышел из волчьей пещеры, он направился к ближайшим обработанным полям, подле которых жили земледельцы, однако не захотел остаться там, его джунгли подходили слишком близко к этому поселку, а он знал, что теперь в зарослях у него был по крайней мере один злостный враг, участник Совета. Итак, мальчик пошел дальше, держась дороги, грубо проделанной вдоль долины, и миль двадцать бежал по ней ровной рысью; наконец увидел незнакомую местность. Долина выходила на широкую низменность, усеянную камнями и прорезанную рвами. В одном ее конце помещалось маленькое селение, к другому отлого спускались густые заросли и останавливались, как бы отсеченные топором. По всей долине паслись коровы с телятами и быками и буйволы с буйволицами. Увидав Маугли, пастушки закричали и разбежались, а желтые собаки парии, всегда бродящие вокруг каждого поселения в Индии, залаяли.

Подойдя к деревенским воротам, Маугли заметил, что большая колючая плетенка, которой в сумерки загораживали дорогу, теперь была отодвинута.

– Уф! – сказал он. Отыскивая по ночам пищу, мальчик, бывало, нередко перебирался через подобные баррикады. – Итак, люди и здесь боятся населения джунглей?

Он сел подле ворот, и, когда какой-то человек вышел на дорогу, поднялся, открыл свой рот и пальцем показал в него, стараясь объяснить, что ему хочется есть. Встретивший Маугли индус посмотрел на него и побежал обратно по улице деревни, призывая жреца, большого толстого человека в белой одежде с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам; с ним явилось еще по крайней мере сто человек. Все смотрели на Маугли, говорили, кричали и указывали на него пальцами.

«У этих людей нет порядочных манер, – подумал Маугли, – так могли бы держаться только серые обезьяны».

Мальчик откинул от лица свои длинные волосы и, глядя на толпу, нахмурил брови.

– Чего же бояться? – сказал жрец. – Посмотрите на рубцы на его руках и ногах. Это следы волчьих зубов. Он просто приемыш волков, убежавший из джунглей.

Понятно, во время совместных игр волчата часто покусывали Маугли сильнее, чем намеревались, и на его руках и ногах белело множество шрамов. Однако он ни за что не назвал бы их следами укусов; он знал, как по-настоящему кусаются волки.

– Арре, арре, – сказала несколько женщин. – Бедный ребенок, искусанный волками! Какой красивый мальчик. Его глаза точно красное пламя. Право, Мессуа, он походит на твоего сына, унесенного тигром.

– Дай-ка посмотреть, – сказала женщина с тяжелыми медными кольцами на руках и щиколотках и, прикрыв ладонью глаза, вгляделась в Маугли. – Нет, не он. Этот гораздо худощавее, но у него выражение лица моего мальчика.

Жрец был очень умен; он знал, что Мессуа – жена самого богатого человека в этой деревне, а потому с минуту смотрел на небо и наконец торжественно произнес:

– Что джунгли взяли, они и отдали. Отведи мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забудь почтить жреца, который читает в жизнях людей.

«Клянусь купившим меня быком, – мысленно сказал Маугли, – все эти разговоры похожи на новый осмотр волчьей стаи. Ну, если я человек, я должен сделаться человеком».

Женщина знаком позвала Маугли к себе в дом; толпа разошлась. Внутри хижины были красная лакированная кровать, большой глиняный ящик для зерна со странным выпуклым рисунком, с полдюжины медных кастрюль; в маленьком алькове стояло изображение индус-

ского божества, а на стене висело настоящее зеркало, из тех, которые продаются на деревенских ярмарках.

Мессуа дала Маугли молока, покормила его хлебом, потом положила руку на его голову и заглянула ему в глаза. Ей думалось, что, может быть, он действительно ее сын, пришедший из джунглей, в которые его унес тигр. Она сказала:

– Нату, о Нату! – Маугли ничем не выказал, что ему известно это имя. – Ты не помнишь, как я тебе подарила новые башмаки? – Она дотронулась до его ноги, которая была жестка, почти как рог. – Нет, – печально проговорила Мессуа, – эти ноги никогда не носили башмаков, но ты очень похож на моего Нату и отныне будешь моим сыном.

Маугли чувствовал себя очень неловко, так как никогда еще не бывал в домах; однако, взглянув на настилку крыши, мальчик увидел, что он в любую минуту сорвет ее, если пожелает уйти, а также, что на окнах нет затворов.

«Стоит ли быть человеком, – мысленно сказал он себе, – если не понимаешь человеческой речи? Здесь я так же глуп и нем, как был бы человек у нас, в джунглях. Мне нужно научиться их говору».

Далеко не для забавы Маугли, живя с волками, научился подражать призыву оленей и хрюканью кабанят.

Поэтому, едва Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли тотчас, почти в совершенстве, подражал звукам ее речи и еще до наступления темноты заучил названия многих вещей в хижине.

Когда пришло время ложиться в постель, возникли затруднения. Маугли не желал спать в месте, так сильно походившем на ловушку для пантер, как хижина, и, когда люди закрыли дверь, выскочил через окно.

– Не принуждай его, – сказал Мессуа ее муж. – Может быть, он еще никогда не спал в постели, помни это. Если он действительно прислан к нам вместо нашего сына, он не убежит.

Итак, Маугли растянулся в высокой густой траве на краю поля и не успел закрыть глаз, как мягкая серая морда толкнула его в подбородок.

– Фу! – сказал Серый Брат (это был старший из сыновей Матери Волчицы). – Какая награда за то, что я прошел за тобою двадцать миль! От тебя пахнет дымом и коровой; ты совсем как человек. Просыпайся, Маленький Брат, я принес тебе новости.

– Все ли хорошо в джунглях? – спросил Маугли, крепко обнимая его.

– Всем хорошо, кроме обожженных Красным Цветком волков. Теперь слушай: Шер Хан ушел и будет охотиться далеко от нас, пока его шкура не зарастет, потому что он страшно опален. Но он клянется, что по возвращении кинет в Венгунгу твои кости.

– Это еще посмотри; ведь я тоже дал одно маленькое обещание, тем не менее узнавать новости всегда полезно. Я очень устал, очень устал от всего непривычного, Серый Брат. Однако прошу тебя, приноси мне вести.

– Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть об этом? – тревожно спросил мальчика Серый Брат.

– Никогда! Я вечно буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей пещере, но не забуду также, что меня исключили из стаи.

– И что тебя могут прогнать из другой стаи? Люди – только люди, Маленький Брат, и их речь походит на говор лягушек в болоте. В следующий раз я буду ждать тебя среди бамбуков на краю пастбища.

Три месяца после этой ночи Маугли почти не выходил из деревенской ограды: он усиленно изучал обычаи и нравы людей. Прежде всего ему пришлось надевать на себя платье, и это сильно стесняло его. Потом ему нужно было уразуметь значение денег, которого он совсем не понимал, и приучиться пахать землю, хотя не видел в этом пользы. Вдобавок ко всему деревенские дети сердили мальчика. К счастью, Закон Джунглей научил его сдержанности: ведь в

джунглях жизнь и пропитание зависят от умения владеть собой. Однако, когда деревенские мальчики насмеялись над ним за то, что он не играл ни в какие игры, не пускал змеев, или за то, что он плохо произносил некоторые слова, только сознание, что убивать безволосых детенышей недостойно охотника, удерживало его от желания схватить их и разорвать пополам.

Своей собственной силы он не сознавал. В джунглях Маугли понимал, что в сравнении с животными он слаб; в деревне же люди говорили, что он силен как бык.

У Маугли не было также ни малейшего понятия о различии, которое каста полагает между одним человеком и другим. Когда однажды осёл горшечника соскользнул в глиняную яму, Маугли вытащил оттуда животное за хвост и помог гончару нагрузить осла товаром, который торговец вез в Кханивару. Поступок мальчика возмутил поселян: горшечник принадлежит к низшей касте людей, а его осёл был и еще того хуже. Жрец стал бранить Маугли; когда же тот пригрозил толстяку положить и его на осла, жрец посоветовал мужу Мессуа как можно скорее послать Маугли на работу. На следующий же день староста деревни приказал мальчику уйти с буйволами и сторожить их, пока они будут пастись. Маугли был более чем доволен. С этой минуты он считал себя на службе у деревни и в сумерки вошел в кружок, по вечерам собиравшийся на каменной платформе под большим фиговым деревом. Это был сельский клуб; там сходились, чтобы вместе покурить: староста, сторож, цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старый Бульдео, деревенский охотник, обладатель мушкета. На верхних ветвях дерева сидели обезьяны и болтали; под платформой было отверстие, в котором жила кобра, и ей каждый вечер ставили блюдечко с молоком – она считалась священной. Старики сидели вокруг дерева, до поздней ночи разговаривали, тянули дым из больших хукасов (курительных трубок с водой) и рассказывали удивительные истории о богах, людях, привидениях и еще более удивительные вещи о зверях в джунглях и их привычках. Обыкновенно они говорили так долго, что наконец глаза детей, сидевших с внешней стороны круга взрослых, казалось, бывали готовы выскочить из орбит. Больше всего говорилось о животных, так как джунгли подходили вплотную к деревне; олень и кабан поедали их всходы, а время от времени, в сумерках, от самых деревенских ворот тигр уносил человека.

Маугли, понятно, знавший кое-что о предмете их бесед, закрыл лицо руками, стараясь не показать, что он смеется. Пока Бульдео, положив мушкет поперек колен, переходил от одной изумительной истории к другой, плечи Маугли тряслись от хохота.

Бульдео объяснил, что тигр, который унес сына Мессуа, был тигром-призраком и что в его теле жил дух дурного старика-ростовщика, умершего за несколько лет перед тем.

– Я знаю, что это правда, – сказал он, – потому что ростовщик Пурун Дас хромал со времени той схватки, когда были сожжены его отчетные книги; тигр же, упомянутый мною, тоже хромает: это видно, потому что от его лап остаются неодинаково глубокие следы.

– Правильно, правильно, это, конечно, правда, – подтвердили седобородые люди, одновременно покачивая головами.

– Не похожи ли такие рассказы на бред? – сказал Маугли. – Этот тигр, как все знают, хромает потому, что он родился хромым. Только дети могут верить, будто душа ростовщика живет в животном, у которого нет даже мужества шакала.

На секунду Бульдео от изумления онемел, а староста широко открыл глаза.

– Ого! Это говорит бродяга из джунглей? – сказал Бульдео. – Если уж ты так умен, лучше принеси кожу тигра в Кханивару, потому что правительство оценило его жизнь во сто рупий. А еще лучше – не болтай, когда говорят старшие.

Маугли поднялся, чтобы уйти.

– Весь вечер я слушал, – бросил он через плечо, – и, за исключением двух-трех раз, Бульдео не сказал ни слова правды о джунглях, которые подходят к самым его дверям. Могу ли я после этого верить в рассказы о призраках, божествах и лесных духах, которых, по его словам, он видел?

– Этому мальчику давно пора начать пасти стада, – проворчал староста; Бульдео же, рассерженный дерзостью Маугли, отодвинулся и фыркнул.

В силу обычая большей части индусских деревень, несколько мальчиков должны ранним утром выгонять коров, быков и буйволов пастись и вечером приводить стадо обратно; и те самые быки, коровы и буйволы, которые до смерти затоптали бы белого, позволяют себя бить и бранить детям, ростом не выше их носов. Пока мальчики не отходят от стада, им не грозит ни малейшая опасность, потому что даже тигр не решается нападать на стадо скота. Когда же они отходят в сторону, чтобы набрать цветов или погоняться за ящерицами, их иногда уносят звери. На заре Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине большого буйвола по имени Рама. Аспидно-синеватые животные со своими длинными загнутыми назад рогами и свирепыми глазами один за другим поднимались с подстилок и двигались за ним. Маугли сразу ясно показал, что он господин. Он бил буйволов длинной гладкой бамбуковой тростью и приказал Камаёе, одному из мальчиков-пастухов, пасти коров, прибавив, что сам он отправится с буйволами. В конце речи Маугли запретил ему и остальным детям отходить от стада.

Индусское пастбище состоит из камней, порослей кустов, кочек и маленьких рвов, среди которых рассеиваются и скрываются стада. Буйволы обыкновенно держатся подле топких мест, ложатся в болото, валяются или купаются в горячем иле по целым часам. Маугли прогнал их к окраине равнины к тому месту, где река Венгунга выходит из джунглей; здесь он соскочил с шеи буйвола: Маугли подбежал к бамбуковым зарослям, где встретил Серого Брата.

– А, – сказал волк, – я много дней поджидал тебя. Почему ты пасешь стадо? Что это значит?

– Мне дано приказание, – ответил Маугли. – Некоторое время я буду деревенским пастухом. Какие вёсти о Шер Хане?

– Он вернулся и долго ждал тебя. Теперь же снова ушел, так как дичи мало. Однако он твердо решил тебя убить.

– Отлично, – сказал Маугли. – согласишься ли ты или кто-нибудь из моих четырех братьев в его отсутствие каждый день приходить сюда и садиться на этой скале, чтобы я мог из деревни видеть вас? Когда же тигр вернется, дождись меня в лощине подле дерева дхак, в центре низменности. Нам незачем идти прямо в зубы Шер Хана.

После этого разговора Маугли выбрал тенистое место, разлегся и заснул; буйволы паслись вокруг него. В Индии пасти стадо – самое спокойное дело в мире. Скот двигается, жуёт, ложится, опять встает и даже не мычит, а только фыркает; буйволы очень редко говорят что-нибудь; они один за другим спускаются к топким лужам, ложатся так, чтобы ил покрыл все их тело и на виду оставались только их морды и неподвижные фарфорово-синие глаза; так они лежат точно колоды. Под лучами знойного солнца кажется, будто камни колышатся, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) свистит над их головами, почти невидный в лазури; дети знают, что, если бы умерли они или умерла корова, этот коршун быстро спустился бы вниз, а второй его собрат, отдаленный от него на несколько миль, заметил бы, как он упал с высоты, и последовал бы его примеру; потом еще и еще; и чуть ли не раньше мгновения смерти умирающего создания неизвестно откуда явилось бы штук двадцать голодных коршунов. Пастушки спят и просыпаются, и опять засыпают; из сухой травы они плетут маленькие корзиночки и сажают в них кузнечиков или ловят двух богомолков и заставляют их драться; делают ожерелья, нанизывая на нити красные и черные орехи джунглей, или наблюдают, как ящерица трется на камне или как близ болота змея охотится за лягушкой. Потом они поют длинные-длинные песни со странными туземными вскрикиваниями в конце. И день кажется им длиннее целой жизни многих людей, лошадей и буйволов; в руки глиняных чело-вечков вставляют тростинки, считая, что это короли, остальные же фигурки – их армии; или что это божества, которым надо поклоняться. Наступает вечер; дети кричат; буйволы неуклюже, с шумом, похожим на ружейные выстрелы, поднимаются из клейкого ила, один за дру-

гим выходят из болота и вереницей тянутся через посеревшую равнину к мерцающим огням деревни. День изо дня Маугли водил буйволов к болотам; день изо дня он замечал волка в полутора милях от себя на другой окраине долины, таким образом узнавая, что Шер Хан еще не вернулся, и день изо дня лежал, прислушиваясь к звукам в траве и грезя старой жизнью в джунглях. Если бы хромая лапа Шер Хана сделала неверный шаг в зарослях близ Венгунги, Маугли услышал бы его в тишине этих долгих беззвучных утр.

Наконец наступил день, в который он не увидел Серого Брата на условном месте, засмеялся и отвел буйволов к ложине подле дерева дхак, залитого золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат с ошетилившейся спиной.

– Он прятался целый месяц, чтобы ты перестал остерегаться; прошлой ночью он пришел сюда с Табаки и рассматривал твой след, – задыхаясь, сказал волк.

Маугли нахмурился.

– Я не боюсь Шер Хана, но Табаки очень хитер.

– Не бойся, – слегка облизывая губы, сказал Серый Брат. – На заре я встретил Табаки. Теперь он передает свою мудрость коршунам, но раньше, чем я переломил ему спину, сказал мне решительно все. Шер Хан решил сегодня вечером подстеречь тебя подле деревенских ворот. Он пришел именно ради тебя и до поры до времени лежит в большом сухом рве.

– Он ел сегодня или охотится с пустым желудком? – тревожно спросил Маугли, потому что от ответа волка зависела его жизнь или смерть.

– На заре он убил кабана, а также пил. Вспомни: ведь Шер Хан никогда не мог голодать, даже ради мести.

– О, глупец, глупец! Что за щенок щенка! Он ел, пил и воображает, что я буду ждать, пока он выпится? Где он лежит? Если бы нас было десятеро, мы могли бы покончить с ним... Эти буйволы не нападут на него, пока не почуют; а, к несчастью, я не умею говорить на их наречии! Можем ли мы пойти по его следам так, чтобы они его почуяли?

– Он нарочно переплыл через Венгунгу далеко, чтобы этого не случилось, – ответил Серый Брат.

– Я знаю, это совет Табаки; сам Лунгри никогда не додумался бы до такой вещи. – Маугли стоял и думал, положив палец в рот. – Большой ров? Он выходит на равнину меньше чем в полумиле отсюда. Я могу прогнать стадо через джунгли к верхней точке рва, потом повернуть вниз, однако он ускользнет с нижней стороны. Нам нужно закрыть и этот конец. Серый Брат, не можешь ли ты разделить для меня стадо на две половины?

– Может быть, один я не смог бы помочь тебе, но я привел с собой умного друга.

Серый Брат отбежал немного и соскочил в выбоину. В ту же минуту оттуда поднялась большая серая, хорошо знакомая Маугли голова, и горячий воздух наполнился самым унылым криком в джунглях – воем волка, который охотится в полдень.

– Акела, Акела! – сказал Маугли, хлопая в ладоши. – Я должен был знать, что ты не забудешь меня! Нам предстоит важная задача. Разбей стадо надвое, Акела. Держи буйволов и телят вместе, быков же и буйволов собери в отдельное стадо.

Два волка побежали, как бы делая фигуру танца «дамский шен», то углубляясь в стадо, то выскакивая из него; рогатые животные фыркали, поднимали головы и скоро разделились на две части. В одной стояли буйволицы с телятами в центре; они смотрели пылающими глазами, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и затоптать его до смерти, если он остановится на минуту. Другую часть составляли быки; молодые буйволы фыркали и топали ногами, однако, хотя они имели более внушительный вид, в сущности, это стадо было менее опасно; здесь не нужно было защищать телят. Шестеро человек не могли бы так ловко разделить огромное количество этих животных.

– Что прикажешь еще? – задыхаясь, спросил Акела.

Маугли вскочил на спину Рамы.

– Гони быков влево, Акела, а ты, Серый Брат, когда мы отдалимся, держи буйволиц вместе и оттесни их к нижнему концу рва.

– Как далеко загнать? – спросил Серый Брат, задыхаясь и щелкая зубами.

– Гони по рву, пока его края не станут так высоки, чтобы Шер Хан не мог сделать на них прыжка, – прокричал Маугли. – Держи их там, пока мы не спустимся к тебе.

Быки двинулись, слыша голос Акелы; Серый Брат стал перед коровами. Они кинулись на него; он бежал перед ними к нижнему концу рва, пока Акела гнал быков далеко в левую сторону.

– Хорошо сделано! Еще одно нападение, и они зайдут достаточно далеко. Осторожнее, осторожнее теперь, Акела! Если ты щелкнешь зубами лишний раз, быки бросятся. Худжах! Это опаснее, чем загонять черных оленей. Думал ли ты, что эти создания могут двигаться так быстро? – спросил Маугли.

– Я... я и за ними охотился в свое время, – задыхаясь от пыли, произнес Акела. – Загнать их в джунгли?

– Да, поверни их! Быстро поверни их! Рама обезумел от ярости. О, если бы только я мог ему сказать, что сегодня требую от него.

Буйволы были повернуты на этот раз вправо и вломились в чашу. Остальные пастушата, сторожившие домашний скот, со всех ног кинулись в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

У Маугли был довольно простой план. Он желал только описать на взгорье большой круг, придвинуться к верхней части рва, потом повести буйволов-быков вниз так, чтобы Шер Хан очутился между ними и их коровами; мальчик отлично знал, что, поев и напившись воды, Шер Хан не будет в состоянии драться или вскарабкаться на одну из стен рва. Теперь Маугли голосом успокаивал буйволов; Акела же бежал позади и всего раза два слегка повизжал, чтобы подогнать отставших животных. Они описывали большой, большой круг, не желая подойти ко рву слишком близко и таким образом предупредить Шер Хана. Наконец Маугли собрал испуганное стадо близ верхнего конца ложбины на травянистом, круто спускающемся в ров откосе. С этой высоты можно было через вершины деревьев видеть равнину внизу; но Маугли занимали только края рва, и, осмотрев их, он с большим удовольствием заметил, что эти стены почти отвесны; лозы же и лианы, которые свешивались с них, не могли послужить опорой для тигра, желающего подняться.

– Дай им передохнуть, Акела, – сказал он, поднимая руки. – Они еще не почуяли его. Дай им нюхать. Я должен сказать Шер Хану, кто приближается к нему. Он в ловушке!

Приставив обе ладони ко рту, Маугли закричал в ров (это было все равно, что кричать в туннель), и отзвуки стали передаваться от одной скалы к другой.

Очень не скоро послышался продолжительный сонный вой наевшегося и только что проснувшегося тигра.

– Кто там? – спросил Шер Хан, и великолепный фазан вылетел с криком из лощины.

– Я Маугли! Вор домашнего скота, пора нам идти к Скале Совета! Вниз, скорей гони их вниз, Акела. Вниз, Рама, вниз!

Буйволы на мгновение остановились на краю склона, но пронесся громкий охотничий вой Акелы, и они понеслись, обгоняя друг друга, – так пароходы проносятся через быстрины – песок и камни разлетались во все стороны. Раз буйволы двинулись, их уже нельзя остановить. Раньше чем они углубились в ложе сухого рва, Рама почуял Шер Хана и замычал.

– Ха, ха, – закричал Маугли, сидевший на его спине, – теперь ты знаешь! – И поток черных рогов, пенящихся морд, неподвижных глаз помчался по рву, точно камни во время наводнения; более слабые буйволы были оттеснены к стенам и прорывались через завесу лиан. Они знали, какое дело предстояло им – страшное нападение стада буйволов, нападение, которому ни один тигр не может надеяться противостоять. Шер Хан услышал грохот копыт, под-

нялся и, хромая, тяжело побежал, глядя по сторонам и отыскивая средство спасения; но с обеих сторон рва поднимались отвесные скалы. Отяжелевший от еды и питья тигр был готов на все, только бы избежать борьбы. Стадо пробежало, расплескивая лужу, от которой Шер Хан только что отошел. От рева буйволов камни звенели. Маугли услышал с нижнего конца рва ответное мычание и увидел, что Шер Хан повернулся. Тигр знал, что раз уже случилось самое худшее, ему лучше встретить буйволов, чем коров с телятами. Рама несколько раз ударил в землю копытами, споткнулся и двинулся дальше, ступая по чему-то мягкому. За ним неслись остальные буйволы, и все врезались во встречное стадо; от силы столкновения более слабые буйволы были подняты над землей. Вот все они и буйволицы с телятами выбежали из рва на равнину; животные мычали, топали ногами, фыркали. Маугли подождал немного, наконец соскользнул с шеи Рамы и принялся палкой колотить вправо и влево.

– Скорее, Акела! Разбей их! Разбей, не то они будут драться между собой. Гони их, Акела! Хай, Рама! Хай, хай, хай, детки! Тише! Тише! Все прошло!

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, слегка покусывая передними зубами ноги буйволов, и, хотя стадо было готово снова кинуться вдоль рва, Маугли удалось повернуть Раму, и все остальные пошли за своим вожаком к илистым лужам.

Больше бить Шер Хана копытами не пришлось. Он умер, и коршуны уже спускались к нему.

– Братья, это была собачья смерть, – сказал Маугли, ощупью отыскивая нож в ножнах, который он всегда носил на шее с тех пор, как жил с людьми. – Но он не стал бы драться, и на Скале Совета его кожа будет иметь хороший вид. Нам нужно быстро приняться за работу.

Мальчик, воспитанный среди людей, даже не попытался бы один снять шкуру с десятифутового тигра, но Маугли лучше всех знал, как прикрепляется к телу животного его шкура и как ее можно содрать. Тем не менее это было трудное дело, и Маугли резал, рвал и ворчал целый час, волки смотрели, высунув языки, или подходили к нему и дергали кожу там, где он приказывал.

Вот на плечо мальчика упала рука, и, подняв глаза, он увидел Бульдео с его ружьем. Дети рассказали в деревне о бегстве буйволов, и рассерженный Бульдео вышел за ворота, торопясь наказать Маугли за то, что он плохо заботится о стаде. Заметив человека, волки скрылись из виду.

– Это что за безумие? – сердито начал Бульдео. – Ты думаешь, что один можешь снять кожу с тигра? Где его убили буйволы? Это хромой тигр, и его голова была оценена во сто рупий. Ну-ну, мы не обратим внимание на то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию из награды, когда отнесу кожу в Кханивару. – Он пошарил в своей одежде, вынул оттуда кремь и огниво и нагнулся, чтобы подпалить белые бакенбарды Шер Хана. По большей части, туземные охотники подпаливают бакенбарды тигра, чтобы его призрак не являлся им.

– Гм, – скорее обращаясь к себе, чем к Бульдео, произнес Маугли и содрал кожу с передней лапы Шер Хана. – Значит, ты хочешь отнести шкуру в Кханивару, получить награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А вот мне кажется, что кожа нужна мне самому. Эй, старик, убери этот огонь.

– Что это за обращение с главным охотником деревни? Счастье и глупость твоих буйволов помогли тебе убить зверя; тигр только что поел, не то он бы убежал за двадцать миль. Ты даже не можешь как следует снять с него кожу, нищенское отродье, и еще смеешь мне, Бульдео, говорить, чтобы я не палил его шерсти? Маугли, ты не получишь ни одной анны из награды; тебе достанутся только побои. Брось убитого тигра!

– Клянусь быком, который купил меня, – сказал Маугли, старавшийся добраться до плеча тигра, – неужели я должен целый день болтать со старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоедает мне!

Все еще наклонявшийся над головой Шер Хана Бульдео внезапно очутился на траве; серый волк стоял над ним, а Маугли продолжал снимать кожу с тигра, точно в целой Индии был только он один.

– Да-а-а, – сказал он сквозь зубы. – Ты совершенно прав, Бульдео. Ты не дашь мне ни одной анны из награды. Между этим хромым тигром и мной шла война, очень долгая война, и я победил.

Следует отдать Бульдео справедливость: будь он на десять лет моложе, при встрече с Акелой в лесу он вступил бы в борьбу с ним, однако волк, который слушался приказаний мальчика, имевшего свои счеты с тиграми-людоедами, не казался ему обыкновенным животным. По мнению Бульдео, в дело замешалось колдовство худшего рода, и он спрашивал себя, послужит ли для него охраной амулет, висевший на его шее? Он лежал совсем-совсем тихо, ежеминутно ожидая, что Маугли тоже обернется тигром.

– Магараджа! Великий король! – хриплым шепотом произнес он наконец.

– Ну? – не поворачивая головы и слегка посмеиваясь, сказал Маугли.

– Я старик и не знал, что ты не простой пастушонок. Позволишь ли ты мне подняться и уйти, или твой слуга разорвет меня на части?

– Иди, и да будет с тобою мир. Только, смотри, в другой раз не трогай моей добычи. Отпусти его, Акела.

Бульдео, торопливо заковылял к деревне, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, не превратится ли Маугли во что-нибудь ужасное. Придя в деревню, он наговорил столько о магии, чарах и колдовстве, что лицо жреца стало очень серьезно.

Маугли продолжал свою работу, но уже наступали сумерки, когда он и волки содрали большую яркую шкуру с тела тигра.

– Теперь мы должны ее спрятать и отвести буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела.

В туманном сумраке стадо собралось, и, подходя с животными к деревне, Маугли увидел свет и услышал трубный звук раковин храма и звон колоколов. Около половины деревни собралось у ворот, ожидая его.

«Это потому, что я убил Шер Хана», – мысленно сказал себе мальчик.

Но около его ушей просвистел град камней, и жители деревни закричали:

– Колдун! Волчье отродье! Демон джунглей! Уходи! Скорее убирайся отсюда, или наш жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Бульдео.

Старый мушкет с громом выстрелил, молодой буйвол замычал от боли.

– Новое колдовство! – закричали они. – Он отводит пули в сторону. Бульдео, это был твой буйвол.

– Что же это? – спросил ошеломленный Маугли, когда град камней стал еще гуще.

– Они походят на стаю, эти твои братья, – сказал Акела, спокойно садясь на землю. – Мне приходит в голову, что, если пули что-нибудь значат, они тебя выгонят.

– Волк! Волчонок! Уходи! – закричал жрец, размахивая веткой священного растения тульци.

– Опять? Тогда меня гнали за то, что я человек; теперь меня гонят за то, что я волк? Уйдем, Акела.

Женщина – это была Мессуа – побежала к стаду с криком:

– О мой сын, мой сын! Они говорят, что ты колдун и можешь по желанию превращаться в зверей. Не верю им, но уходи, или они убьют тебя. Бульдео уверяет, что ты волшебник, я же знаю, что ты отомстил за смерть моего Нату.

– Назад, Мессуа! – закричала толпа. – Назад, или мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся отрывистым, недобрый смехом, потому что один камень попал ему в лицо.

– Беги назад, Мессуа. Это одна из глупых историй, которые они рассказывают в темноте, под большим деревом. Я наконец заплатил за жизнь твоего сына. Прощай. Беги быстро, потому что я пошлю в деревню стадо, а оно движется быстрее, чем летят осколки их кирпичей. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Еще раз, Акела, – крикнул он, – гони стадо в ворота!

Буйволам самим очень хотелось вернуться в деревню. Вой Акелы вряд ли был нужен им. Они вихрем понеслись через ворота, рассеивая толпу людей вправо и влево.

– Сосчитайте их, – презрительно крикнул Маугли, – может быть, я украл одного буйвола! Считайте, я не буду больше пасти стадо. Будьте здоровы, дети людей, и поблагодарите Мессуа за то, что я с моими волками не войду в деревню и не стану гонять вас взад и вперед по вашей улице.

Маугли повернулся и пошел прочь с Одиноким Волком. Взглянув на звезды, он почувствовал себя счастливым.

– Мне не придется больше спать в ловушках, Акела. Возьмем шкуру Шер Хана и уйдем. Нет, мы не причиним вреда деревне, потому что Мессуа была добра ко мне.

Поднялась луна, и долина стала молочно-белой; жители деревни с ужасом увидели, как Маугли, в сопровождении двух волков и с каким-то свертком на голове, бежал спокойной волчьей рысью; бег этот своей быстротой напоминает движение огня, и позади бегущего таким шагом скоро остается одна миля за другой.

Они стали звонить в колокола храма и трубить в крупные раковины еще громче обыкновенного; Мессуа плакала, а Бульдео все украшал и украшал рассказ о своих приключениях в джунглях так, что наконец, по его словам, Акела стоял перед ним на задних лапах и говорил с ним, как человек.

Луна заходила, когда Маугли и два волка пришли на холм Скалы Совета и остановились подле пещеры Матери Волчицы.

– Меня выгнали из людской стаи, мать, – крикнул Маугли, – но я пришел со шкурой Шер Хана и сдержал данное слово!

Волчица Мать, взволнованная, вышла из пещеры, за ней появились ее дети; при виде шкуры глаза Ракши загорелись.

– В тот день, когда он просунул свою голову и плечи в эту пещеру, охотясь за тобой, лягушечка, я сказала ему, что охотник сделается дичью. Хорошо сделано!

– Хорошо сделано, Маленький Брат, – послышался глубокий голос в чаще. – Нам было скучно в джунглях без тебя, – и Багира подбежала и склонилась к босым ногам Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и Маугли разостлал тигровую шкуру на том плоском камне, где, бывало, сидел Акела, прикрепив ее четырьмя заостренными осколками бамбука. Тогда Акела лег на шкуру с обычным старинным призывом к Совету: «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки!» Совершенно также зывал он, когда в это место впервые привели Маугли.

С тех самых пор, как был смещен Акела, стая оставалась без вожака, и волки охотились или дрались, когда им вздумается. Однако они по привычке пришли на призыв; некоторые из них хромали, ушибленные капканами, в которые они попадали; некоторые ковыляли, раненные пулями; некоторые исхудали от дурной пищи; многих совсем не было; тем не менее уцелевшие собрались к Скале Совета, увидели полосатую шкуру Шер Хана на камне и его огромные когти на концах пустых лап. Вот тогда-то Маугли сочинил песню без рифм, песню, которая как-то сама собой подступила к его горлу. Он громко выкрикивал ее, прыгая взад и вперед по слегка стучавшей шкуре и отбивая ритм пятками; мальчик плясал, пока не задохнулся от усталости; между одной строфой и другой Серый Брат и Акела выли.

– Смотрите хорошенько, о волки! Сдержал ли я свое слово? – сказал Маугли, окончив песню; и волки пролаяли: «Да!»

А один лохматый провыл:

– Будь нашим вожаком опять, о Акела! Будь нашим вожаком опять, о детеныш человека, потому что нам надоело беззаконие и мы хотели бы снова сделаться Свободным Народом.

– Нет, – промурлыкала Багира. – Этого не должно быть. Когда вы наедитесь, безумие снова может овладеть вами. Недаром зовут вас Свободным Народом! Вы боролись за свободу и достигли ее. Питайтесь ею, о волки.

– Стая людей и волчья стая выгнали меня, – заметил Маугли. – Теперь я буду один охотиться в джунглях.

– И мы будем охотиться с тобой, – сказали четыре сына Матери Волчицы.

Итак, Маугли ушел и с этого дня охотился с четырьмя детьми Матери Волчицы. Однако он не всегда был одинок, потому что через много лет сделался вполне взрослым человеком и женился. Но это рассказ для взрослых людей.

Белый котик

Все это случилось много лет тому назад на острове Св. Павла, в месте, которое называется Северо-Восточный мыс, далеко-далеко в Беринговом море. Зимний королек Лиммершин рассказал мне эту историю, когда ветер прибил его к оснастке шедшего в Японию парохода, и я отнес его в каюту, согрел и несколько дней кормил, так что наконец он мог опять улететь на остров Св. Павла. Лиммершин – странная птичка, но он умеет говорить правду.

Северо-Восточный мыс посещают исключительно по делам, а настоящее дело там бывает только у котиков, и в летние месяцы они сотнями и сотнями тысяч приплывают к его берегам из холодного Северного моря. Для котиков нигде в море нет таких удобств, как у берегов Северо-Восточного мыса.

Морской Ловец отлично знал это и с наступлением весны несся к берегам Северо-Восточного мыса и целый месяц бился там со своими товарищами за хорошее место на берегу, поближе к морю. Ему уже минуло пятнадцать лет; это был крупный серый зверь с мехом, образовавшим почти гриву на его плечах, и с длинными злобными клыками. Поднимаясь на своих передних лапах, он возвышался больше чем на четыре фута над землей, а если бы кто-нибудь решился его взвесить, он потянул бы почти семьсот фунтов. Все тело этого котика покрывали шрамы, следы жестоких боев, но он всегда бывал готов снова драться. Морской Ловец склонял голову набок, точно боясь взглянуть в глаза своему врагу, потом, как молния, кидался на него. Когда крупные зубы Морского Ловца впивались в шею его противника, тот, конечно, мог вырваться, если находил в себе на то силы, только Морской-то Ловец не помогал ему в этом отношении.

Зато Морской Ловец никогда не преследовал побежденного: это было против правил Берега. Он только желал получить место подле моря для своей «детской». Однако, ввиду того что сорок или пятьдесят тысяч котиков каждую весну стремились к тому же, визг, плеск, рев, вой и шум на берегу сливались во что-то страшное.

С небольшого холма, называемого холмом Гутчинсона, вы могли бы видеть пространство в три с половиной мили, все покрытое дерущимися; волны прибоя усеивали головы котиков, спешивших к земле тоже ради борьбы. Они дрались среди прибрежных камней; дрались на песке; дрались на истертых гладких базальтовых камнях «детских», потому что были так же тупы и несговорчивы, как люди. Их жены являлись только в последних числах мая или в начале июня; они не желали быть растерзанными. Молодые двух-, трех- и четырехлетние котики, которые еще не обзавелись хозяйством, миновали ряды дерущихся, около полумили проходили в глубь острова и целыми легионами принимались играть на песчаных дюнах, уничтожая все зеленое, что только вырастало из земли. Их называли холостяками, и, может быть, на одном Северо-Восточном мысе собиралось около двухсот или трехсот тысяч таких молодых котиков.

Однажды весной Морской Ловец только что закончил свой сорок пятый бой, когда Матка, его нежная жена с кроткими глазами, вышла из моря, а он схватил ее за шиворот, опустил на свой участок и ворчливо сказал: «Как всегда опоздала! Где ты была?»

В течение тех четырех месяцев, которые Морской Ловец оставался на отмелях, он ничего не ел, а потому бывал обыкновенно в дурном настроении. Матка знала, что ему не нужно отвечать. Она огляделась кругом и нежно промурлыкала:

– Как ты заботлив. Ты опять занял прежнее место!

– Я думаю – занял! – сказал Морской Ловец. – Посмотри на меня.

Он был весь испарапан; из его тела кровь сочилась местах в двадцати; один его глаз почти совсем закрылся, а бока были в лохмотьях.

– Ох вы, мужчины, мужчины, – сказала Матка, обвевая себя задним ластом. – Почему это вы не можете быть благоразумны и спокойно занимать места? Право, можно думать, что ты дрался с касаткой Убийцей Китов.

– С половины мая я только и делал, что дрался. В нынешнем году берег наполнен до противности. Я встретил по крайней мере сотню котиков с Луканнонской отмели, которые отыскивали пристанище. Почему это никто не хочет оставаться в своих собственных областях?

– Я часто думала, что мы были бы гораздо счастливее, если бы устроились на острове Выдры, а не оставались в этом густонаселенном месте, – заметила Матка.

– Ба, на остров Выдры плавают только молодежь. Если бы мы отправились туда, все подумали бы, что мы боимся. Нам необходимо заботиться о сохранении приличий, моя милая.

Морской Ловец гордо втянул голову в плечи и несколько минут притворялся, будто он спит, а между тем все время наблюдал, нельзя ли подражаться. Теперь, когда на земле уже собрались все котики и их жены, вы могли бы за несколько миль от берега услышать в море их шум, покрывавший громкий прибой волн. На берегу было более миллиона котиков: старые котики, маленькие котики, их матери и холостяки. Они дрались, ссорились, кричали, ползали и играли; уплывали в море; толпами и полками возвращались к суше; лежали на каждом футе берега, насколько мог видеть глаз; бригадами шныряли, пронизывая туман. Здесь почти всегда туманно, за исключением тех дней, в которые на короткое время выходит солнце и всему придает цвет жемчуга или радуги.

Детеныш Матки, Котик, родился в разгар смятения; он весь состоял из головы и плеч и смотрел бледными, водянисто-голубыми глазами; все, как подобало новорожденному детенышу. Тем не менее в его шерстке было что-то, что заставило Матку очень внимательно приглядеться к нему.

– Морской Ловец, – сказала она, помолчав, – наш маленький будет белый.

– Пустые прибрежные раковины и сухие водоросли! – фыркнул Морской Ловец. – В мире никогда не бывало белого котика.

– Я не виновата, – сказала Матка, – но теперь будет, – и она запела тихую воркующую песенку, которую все матери поют своим детенышам-котикам: – «Не плавай, пока тебе не минет шести недель, не то твоя голова погрузится в воду» и т. д.

Конечно, сперва маленькое существо не понимало ее слов. Котик возился и играл подле своей матери и научился быстро уходить прочь, когда его отец дрался с другим котиком и бойцы с громким ревом катались по скользким камням. Матка отправлялась за едой в море и кормила детеныша только через день; но тогда он жадно бросался на пищу и ел столько, сколько мог съесть.

Раз Котик прошел подальше, в глубь острова, и встретил там десятки тысяч своих сверстников. Они играли, как щенята; засыпали на чистом песке, просыпались, снова начинали возиться. Взрослые не обращали на них внимания; холостяки держались на своем участке, а потому у малюток было много времени для забав.

Возвращаясь с рыбной ловли в глубоком море, Матка прямо направлялась к месту их игр и принималась звать Котика голосом овцы, призывающей своего ягненка, и ждала, чтобы он откликнулся. Едва услышав его блеяние, она напрямик двигалась в его направлении, сильно ударяя о землю своими передними лапами и расталкивая головой малышей, которые падали вправо и влево от нее. Несколько сотен матерей всегда отыскивали своих маленьких в месте их игр, и юным котикам порядочно доставалось от них; но Матка справедливо говорила Котику:

– Пока ты не лежишь в грязной воде и не худеешь, пока жесткие песчинки не попадают в царапины или порезы на твоем теле, пока ты не плаваешь в бурю, с тобой ничего не случится.

Маленькие котики плавают не лучше маленьких детей. Когда Котик в первый раз вошел в море, волна унесла его на такую глубину, где он мог утонуть; его большая голова погрузилась

в воду; его маленькие задние лапы поднялись вверх совершенно так, как Матка говорила ему в колыбельной песне, и, если бы следующая волна не кинула его обратно, он утонул бы.

После этого он научился так лежать в луже на отмели, чтобы набегающие волны покрывали его и поднимали, в это время он загребал воду лапами и смотрел, не подходят ли большие волны, которые могли бы ему повредить. Две недели учился он работать своими лапами и все это время то входил в воду, то выходил из нее; с криком, похожим на кашель, или хрюканьем выползал на берег повыше и спал, как кошечка, на песке; потом опять отправлялся в море и наконец понял, что его настоящая стихия – вода.

Теперь вы можете представить себе, как он веселился со своими товарищами, то ныряя под морские валы, то поднимаясь на гребень водяной гряды, то выходя на землю среди шипения воды и разлетающихся брызг, когда большой вал, крутясь, набегал на отмель. Порой, стоя на хвосте, и он почесывал голову, совершенно как старые котики, или играл в игру «я король замка» на осклизлых, покрытых водорослями скалах, едва выдававшихся из воды. Время от времени Котик замечал подплывающий к берегу тонкий плавник, похожий на перо крупной акулы, и знал, что это Убийца Китов (касатка), который поедает молодых котиков, когда может добраться до них. И Котик, как стрела, мчался к отмели, а плавник медленно удалялся.

В конце октября целые семьи и стаи котиков стали покидать остров Св. Павла, направляясь в открытое море; бои из-за места прекратились, и холостяки теперь играли, где им вздумается.

– В будущем году, – сказала Котику его мать, – ты будешь холостяком, а пока тебе нужно научиться ловить рыбу.

Они вместе пустились по Тихому океану, Матка показала Котику, как надо спать на спине, прижав плавники к бокам и выставив носик из воды. В мире нет колыбели спокойнее длинных, гладких качающихся валов Тихого океана. Когда Котик почувствовал легкий зуд во всей коже, Матка сказала ему, что он начинает понимать воду; что этот зуд и покалывание предвещают наступление дурной погоды и что, значит, ему нужно плыть во всю силу и уйти подальше.

– Скоро, – сказала она, – ты будешь также понимать, куда именно надо плыть; до поры же до времени следи за Морской Свиньей, дельфином; он очень умен.

Целая толпа дельфинов ныряла и неслась, разрезая воду, и маленький Котик помчался за ними.

– Почему вы знаете, куда надо плыть? – задыхаясь, спросил он.

Вожак выпучил свои белесоватые глаза и нырнул в глубину.

– У меня зуд в хвосте, малыш, – сказал он, – а это обозначает, что позади меня буря. Вперед! Когда ты будешь южнее Стоячей Воды (он подразумевал экватор) и у тебя поднимется зуд в хвосте, знай, что перед тобой буря, и поворачивай на север. Вперед! Я чувствую, что вода здесь очень опасна.

Это одна из тех вещей, которые узнал Котик, а он постоянно учился. Матка сказала, что ему следует плыть за треской и палтусом вдоль подводных мелей, научиться обследовать обломки судов, лежащие на сотню саженей под водой; проскальзывать, точно ружейная пуля, в один иллюминатор затонувшего корабля и вылетать из другого, как это делают рыбы; танцевать на гребнях волн, когда молния бороздит небо, и вежливо махать одним своим ластом летящим по ветру короткохвостому альбатросу и морскому соколу; выскакивать из воды на три или четыре фута, как дельфин, прижимая к бокам лапы и изгибая хвост; не трогать летучих рыб, потому что они состоят из одних костей; на полном ходу и на глубине десяти саженей отрывать зубами лакомый кусочек спинки трески; никогда не останавливаться и не смотреть на лодку или на корабль, особенно же на гребную шлюпку. Через шесть месяцев Котик не знал о рыбной ловле в открытом море только того, чего и знать не стоило; и все это время ни разу не вышел на сушу.

Но однажды, когда Котик дремал, лежа в теплой воде где-то недалеко от острова Хуана Фернандеса, он почувствовал лень, какую ощущают люди, когда весна забирается в их тело; в то же время ему вспомнились славные твердые берега Северо-Восточного мыса за семь тысяч миль от него, игры его товарищей, запах морской травы и рев котиков во время боя. В ту же самую минуту он повернул к северу, торопливо поплыл в этом направлении и скоро встретил десятки своих товарищей, которые все спешили туда же. Они сказали:

– Здравствуй, Котик! В этом году мы, холостяки, можем протанцевать «огненный танец» среди прибрежных камней Луканнона и поиграть на молодой траве. Но откуда взял ты такой мех?

Теперь у Котика была почти совершенно белая шкура, и хотя он гордился ею, но ответил только:

– Плывите быстрее. Мои кости тоскуют по земле.

Наконец все они вернулись к родным отмелям и услышали, как старые котики дрались между собой в клубах тумана.

В первую ночь Котик протанцевал «огненный танец» со своими сверстниками. В летние ночи все пространство моря от Северо-Восточного мыса до Луканнона полно огня, и каждый котик оставляет позади себя след, похожий на полосу горящего масла; когда он прыгает, поднимается пламенный всплеск. А от волн, набегающих на берег, несутся огненные струи и крутящиеся блестящие воронки. Потом молодые холостяки отправились дальше на свои участки и катались взад и вперед в молодой зелени, рассказывая друг другу о том, что они делали, когда были в море. Они говорили о Тихом океане, как мальчики говорят о чаще леса, в которой собирали орехи, и если бы кто-нибудь понял речь котиков, он начертил бы такую карту океана, какой еще никогда не бывало.

Трех- и четырехлетние холостяки понеслись с холма Гутчинсона, крича:

– Прочь с дороги, молодежь! Море глубоко, и вы не знаете всего, что в нем есть. Погодите, раньше обогните Горн. Эй ты, одногодка, где ты взял эту белую шубу?

– Нигде не взял, – ответил Котик, – она выросла!

Как раз в ту минуту, когда он хотел опрокинуть говорившего, из-за песчаной дюны вышло двое черноволосых людей с плоскими красными лицами, и Котик, еще никогда не видавший человека, сердито кашлянул и опустил голову. В нескольких ярдах от людей холостяки сгрудились, глупо глядя на них. Пришедшие были важные личности: Керик Бутерин, глава охотников на этом острове, и Паталамон, его сын. Они пришли из маленькой деревни, стоявшей меньше чем в полумиле от «детских», и теперь толковали, каких котиков следует прогнать к бойням (котиков гоняли совсем как овец) с тем, чтобы позже их шкуры были превращены в куртки.

– Хе, – сказал Паталамон, – посмотри-ка! Белый котик!

Лицо Керика Бутерина побелело, несмотря на слой сала и копоты, покрывавший всю его кожу (он был алеут, алеуты же очень неопрятны).

И охотник забормотал молитву.

– Не трогай его, Паталамон. Белых котиков не бывало с тех пор... с тех пор, как я родился. Может быть, это дух старика Захарова. В прошлом году он исчез во время большой бури.

– Я не подойду к нему, – сказал Паталамон. – Он принесет мне несчастье. А ты действительно думаешь, что это Захаров? Я остался ему должен за несколько яиц чайки.

– Не смотри на него, – сказал Керик. – Поверни-ка вот это стадо четырехлеток. Сегодня работники обязаны содрать шкуры с двух сотен. Охотничье время только что начинается, и они еще не привыкли к работе. Достаточно сотни. Скорее!

Паталамон затрещал перед стайей холостяков высушенными котиковыми плечевыми костями, и звери остановились, фыркая и отдуваясь. Потом он подошел к ним, и они двинулись; Керик направил холостяков от берега, и они даже не постарались вернуться к своим. Сотни и сотни тысяч других котиков смотрели, как гонят их товарищей, и продолжали играть.

Один Котик задавал вопросы, но никто не мог ничего сказать ему; холостяки знали только, что в течение шести недель, или двух месяцев, люди ежегодно угоняли котиков.

– Я пойду за ними, – сказал Котик, и его глаза чуть не выскочили из орбит, когда он пополз по следам стада.

– За нами идет белый котик, – закричал Паталамон. – В первый раз зверь сам собой идет к месту бойни!

– Тиш! Не смотри, не оборачивайся, – ответил Керик, – это призрак Захарова. Я должен поговорить о нем с шаманом.

Место бойни было всего в полумиле от обыкновенной арены игр холостяков, но Керику пришлось потратить на передвижение целый час, так как он знал, что, если котики пойдут слишком скоро, они разгорячатся, и, когда он станет сдирать с них шкуры, они будут сходиться клочками. Так они очень медленно миновали перешеек Морского Льва, дом Вебстера, наконец дошли до Соленого Дома и скрылись из виду котиков, бывших на отмели. Котик шел позади них, задыхался, изумлялся. Ему казалось, что он на краю света, но гул «детских» звучал с силой грохота поезда в туннеле.

Вот Керик сел на мох, вынул тяжелые оловянные часы и позволил котикам отдыхать минут тридцать. Котик слышал, как капли сгустившегося тумана падали с капюшона охотника. Но скоро показалось человек десять – двенадцать, каждый принес окованную железом дубину фута в три-четыре длины. Керик указал на двух или трех котиков из стада, которые были укушены своими товарищами или слишком разгорячены, и пришедшие люди откинули их в сторону своими ногами, обутыми в тяжелые сапоги из моржовой кожи. Тогда Керик сказал: «Начинайте!», и пришедшие стали колотить котиков...

Через десять минут маленький Котик не мог узнать никого из своих друзей: их шкуры были разрезаны от носа до задних лап, содраны и грудой брошены на землю.

Этого было довольно! Котик повернулся и поскакал галопом (небольшое пространство котик может пройти очень быстрым галопом); он двигался обратно к морю, и его маленькие молодые усы топорщились от ужаса. На перешейке Морского Льва, где крупные морские львы сидят на кромке прибоя, он закинул лапы на голову, бросился в прохладную воду и стал качаться, с трудом переводя дыхание.

– Что такое? – сердито сказал морской лев; они обыкновенно держатся особняком.

– Скучно, очень скучно, – сказал Котик. – Убивают всех холостяков на всех отмелях.

Морской лев посмотрел в сторону суши.

– Пустяки, – сказал он, – твои друзья, по обыкновению, шумят из-за вздора. Ты, вероятно, видел, как старый Керик перебил стадо? Вот уже тридцать лет он угоняет котиков.

– Да ведь это ужасно! – сказал Котик.

Его накрыла волна; он же винтовым ударом своих лап поднялся стоймя и остановился в трех дюймах от зазубренного утеса.

– Недурно для одногодка, – заметил морской лев, который умел ценить хорошего пловца. – Вероятно, с твоей точки зрения, происходит ужасная вещь, но раз вы, котики, год из года возвращаетесь в одно и то же место, немудрено, что люди узнали об этом. Если вы не отыщете для себя острова, на котором никогда не бывает людей, вас всегда будут угонять.

– Нет ли такого острова на свете? – спросил Котик.

– Двадцать лет я охочусь на палтуса и не могу сказать, чтобы уже нашел его. Но послушай, по-видимому, ты любишь разговаривать с существами, которые умнее и лучше тебя; что если бы ты отправился к островку моржей и поговорил с Морским Волшебником? Может быть, он что-нибудь знает? Да не прыгай так. Нужно проплыть шесть миль, и на твоём месте, малыш, я прежде вздремнул бы.

Котик нашел, что это хороший совет, поплыл к своей собственной отмели, выбрался на берег, заснул и проспал полчаса, весь подергиваясь, как это делают все его родичи. Позже он

направился к острову моржей, лежащему к северо-востоку от Северо-Восточного мыса. Остров этот состоял из каменных площадок и гнезд чаек. Там стадами отдыхали моржи.

Котик пристал близ старого Морского Волшебника, огромного, некрасивого, пятнистого, морщинистого моржа северного Тихого океана, зверя с толстой шеей и с длинными бивнями, который вежлив, только когда он спит. Морской Волшебник спал в эту минуту, и его задние лапы до половины уходили в волны.

– Просыпайся! – громко тявкнул Котик, потому что чайки подняли сильный шум.

– Ай! Хо! Гм! Что это? – спросил морж, ударил клыками своего соседа и разбудил его; тот, в свою очередь, ударил следующего, и пошло, и пошло, пока все они не проснулись и не принялись осматриваться по сторонам, только Котика никто не замечал.

– Эй! Это я, – сказал Котик, качаясь, как поплавков, в волнах прибоя и похожий на маленький белый комок.

– Хорошо! Ну, пусть меня... обдерут! – сказал морж, и все посмотрели на Котика, как посмотрели бы старые дремлющие джентльмены на зашедшего в их клуб маленького мальчика.

Котику в эту минуту совсем не хотелось слушать о сдирании кож; он достаточно насмотрелся на это, а потому закричал:

– Нет ли в мире такого места, в которое никогда не приходят люди?

– Ищи сам, – ответил Морской Волшебник, закрывая глаза. – Плыви. Мы заняты!

Котик сделал свой дельфиний прыжок в воздухе и закричал еще громче прежнего:

– Поедатель травы, поедатель ракушек!

Он знал, что Морской Волшебник никогда в жизни не поймал ни одной рыбы, а вечно вырывал раковины, морской мох и морские травы, хоть любил казаться ужасным существом. Понятно, маевки, большие поморники, белые чайки и глупыши, всегда желающие найти случай сказать кому-нибудь грубость, повторили его восклицание, и (так передавал мне Лиммершин) минут пять вы не могли бы услышать ружейного выстрела на островке моржей. Все его население кричало и взвизгивало:

– Поедатель травы! Старик!

А старый морж ворочался с боку на бок, похрюкивал и кашлял.

– Ну, ты теперь скажешь? – спросил Котик, совсем задыхаясь.

– Спроси у морской коровы, – ответил морж, – если она еще жива; она в состоянии сказать тебе.

– Она – единственное существо, которое безобразнее Морского Волшебника! – крикнул большой поморник, пролетая под самым носом моржа. – Она еще безобразнее и еще невежливее. Старик!

Котик предоставил чайкам кричать, а сам поплыл к своему берегу. Тут он узнал, что никто не поддерживает его намерение открыть новое, спокойное место. Ему сказали, что люди всегда угоняли десятки молодых холостяков, что это давно вошло в обычай и что, если ему не нравится смотреть на неприятные вещи, он не должен ходить к месту бойни. Ведь никто раньше не видал, как убивают их родичей, и в этом заключалось различие между Котиком и его друзьями. Кроме того, у Котика была белая шерсть.

– Вон что! – сказал Морской Ловец, выслушав рассказ сына о его приключениях. – Вырасти, сделайся таким же крупным котиком, как твой отец, заведи собственную семью, и тогда тебя оставят в покое. Через пять лет ты будешь в состоянии защищаться.

Даже кроткая Матка сказала:

– Тебе не удастся прекратить эту бойню. Иди, играй в море, Котик.

И Котик уплыл и протанцевал «огненный танец», но с большой тяжестью на сердечке.

В эту осень он очень рано покинул берег и совсем один пустился в путь; в его голове засела одна неотвязная мысль. Он отыщет морскую корову, если только в море окажется такое существо, и найдет спокойный остров с хорошим, твердым берегом, где люди не могли бы

добраться до котиков. И он стал осматривать весь Тихий океан от севера до юга, проплывая в сутки около трехсот миль. С ним случилось больше приключений, чем можно рассказать; он чуть не попался в зубы пятнистой акуле и молоту-рыбе (род акулы), встретил всех невероятных злодеев, снующих по морям, тяжелую лощеную рыбу, раковину-гребенку с багровыми пятнами, которая прикрепляется к одному месту на сотни лет и гордится этим, но ни разу не видел морской коровы и не нашел островка, о котором так он мечтал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.